

РИСКИ БЫСТРЫХ И НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ МИРОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КАК ПРОБЛЕМА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ*

И. В. Следзевский

Данная статья посвящена опыту, проблемам и ключевым направлениям развития рискологии в сфере международных отношений и мировой политики в контексте усиливающейся неопределенности перспектив мирового развития, неустойчивости и нарастающей динамики его главных факторов и траекторий, все большего влияния на состояние международной системы (мирового порядка) непредвиденных или казавшихся маловероятными событий и обстоятельств.

В жизнедеятельность современного общества, практику предупреждения нестабильностей, кризисов и катастроф входит представление о рисках как важной или ключевой составляющей социальных процессов, норме повседневной жизни и восприятия будущего. Рисковое существование, переход от одного риска к другому, непредвиденные события и кризисы разных типов начинают рассматриваться как почти обычные, типовые ситуации. Смысл произошедшего сдвига в восприятии рисков, привычку существовать во все менее определенном, безопасном и надежном мире точно выразил английский социолог З. Бауман: «Хаос перестал быть главным врагом рациональности, рациональной цивилизованности, цивилизации и цивилизованной рациональности; он уже не является воплощением сил тьмы и невежества, которые поклялась уничтожить эпоха модернити и сделала для этого все возможное» (Бауман 2002: 50).

Однако общий контекст современной проблематики рискованных (критических) переходов гораздо шире. Дело не только в расшире-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

нии пространства рисков и превращении его в пространство повседневной жизни человека и общества, а прежде всего в изменении общего режима мирового развития на его разных уровнях – локальном, региональном, глобальном.

Мировое развитие, еще недавно представлявшееся достаточно стабильным процессом, ориентированным на понятные цели и нормативные идеалы (прогресс, экономический рост и достижение высокого уровня социально-экономического роста, благополучие и удовлетворенность жизнью человека, рыночные реформы и распространение демократии и т. д.), перешло в режим турбулентности – сложных, неупорядоченных, нелинейных изменений. Динамика этих изменений разрушает прежние причинно-следственные и функциональные связи между субъектами и факторами мировых процессов, а это, в свою очередь, переводит в режим турбулентности и весь мировой порядок – состояние мира как целого и определяющих характер этого целого международных систем. В каком состоянии эти системы – политические, экономические, экологические, социокультурные – окажутся завтра, каков будет реальный уровень их интегрированности и управляемости – это главная стратегическая проблема, вопрос вопросов современного мирового развития.

«Единственной неизменностью, единственным “якорем” в этих нестабильных условиях, – подчеркивают ученые из Института социально-политических исследований РАН, – остается сам человек, его базовые структуры, подлинно человеческая матрица» (Попова и др. 2010: 5). Человеческая «матрица порядка» имеет, конечно, много составляющих: мировосприятие (ментальные образы и когнитивные схемы целостного мира), формы коллективной идентичности («Мы – Другие»), культурные и политические идеологии, стратегические (геополитические) проекты, внешнеполитические программы и установки и т. д. Особое место среди этих составляющих занимает научное – рациональное, верифицируемое, стремящееся к точности и полноте – знание. Оценка рисковых положений, само понятие риска базируются на придании вероятностного значения неопределенным, непредсказуемым ситуациям и событиям, относительно которых нет полной и точной информации. Этим риск, точнее, его определение и интерпретация, отличаются от неопределенности обстоятельств, событий, изменений.

В смысловом поле риска неопределенные явления и процессы окружающего мира распределяются вероятностным образом (шкала распределения рисков). Научное знание в его разных формах – от нормативно-ценностного (философского) до точного (математического) – придает распределению рисков рациональный и артикулированный характер, фиксирует меру возможной неудачи или опасности данной рискованной ситуации и на основе определенных процедур и методов прогнозирует или предсказывает наиболее вероятные варианты развития данной ситуации. Научное знание приобретает при этом значение специфической интеллектуальной системы вероятностного мира, структурированного логически и семантически. В рамках этой системы возникает комплекс научно-познавательных задач, связанных с категоризацией рисков, определением сущности и природы их различных видов, измерением – по возможности, более точным – величины рисков, определением порога приемлемости рисков конкретных проблемных ситуаций.

В контексте сложности и скорости современных мировых изменений диагностирование и анализ разнообразных рисков приобретают все более специализированный и вместе с тем интегрированный характер. С одной стороны, приходится иметь дело с большим числом разнообразных рисков, различных по масштабам, источникам и значениям, причем это разнообразие продолжает увеличиваться, с другой – различные виды рисков взаимосвязаны и взаимосвязаны, все они так или иначе имеют отношение к деятельности человека, предполагают, отражают способность и готовность человека действовать в опасных или неопределенных ситуациях. Учитывая растущую рискогенность человеческой деятельности, встроенность большого числа неопределенных и опасных факторов в жизненные практики и системы жизнеобеспечения современного человека, наука пытается выработать целостное представление о риске, его природе и роли в деятельности человека, допустимых пределах, возможностях контроля и регулирования. Разрабатываемая с 70-х гг. XX в., эта тематика получает признание в качестве автономной области знания – рискологии, которую теперь нередко представляют как особую науку. В проблемном поле рискологии появился ряд концепций и понятий, которые придают турбулентному состоянию социальных систем значение особого социального образования: «общество риска», «хаотические социальные состоя-

ния», «риски власти» и «порог катастрофы», «риски транзитивного общества», «виртуальные социальные образования», «мышление в терминах риска» (Бек 2001; Бернстайн 2000; Бляхер 2005; Гидденс 1994; Луман 1994; Исаев 2001; Шопенко 2010; Яницкий 1999 и др.). Этим идеям и концепциям нередко придается парадигмальное значение.

О превращении рискологии в особую и самостоятельную науку, видимо, говорить еще рано. Рискология пока не выработала конвенциональное и общепринятое определение понятия риска. Семантическое поле этого понятия остается весьма широким и довольно неопределенным. Риском часто называют какую-либо прямую опасность или угрозу, но под риском понимаются также неожиданность и вероятность наступления каких-либо неблагоприятных событий, возможные их последствия, неудачный исход какой-либо деятельности. Не совсем ясна методологическая база рискологии, методы оценки и прогноза кризисных явлений в рискованных ситуациях с целью предупреждения неблагоприятного развития событий.

На наш взгляд, с учетом динамики и проблематики исследований, тяготеющих к рискологии, ее можно определить как гибридную область научного знания, использующую новые подходы и методы различных научных дисциплин применительно к одному определенному смысловому пространству – поведению и целенаправленной деятельности человека, группы, сообщества в ситуациях неопределенности, отсутствия или недостатка информации. Ключевую особенность риска – структурирование человеком проблемных ситуаций с неясными, неопределенными параметрами развития путем придания ей определенных вероятностных значений и, соответственно, уменьшения неопределенности, достаточно точно, на наш взгляд, выразил еще в 1989 г. А. П. Альгин: «Риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели» (Альгин 1989: 1920). В контексте данного определения предметом рискологии являются, очевидно, прежде всего рискованные ситуации, то есть ситуации выбора решения, результаты которого (возможный выигрыш и возможный проигрыш) не могут быть про-

считаны заранее и требуют дальнейших активных действий в пользу избранной линии поведения, намеченных направлений деятельности. Для рискованных ситуаций характерны наличие неопределенности (неопределенных факторов и обстоятельств, неожиданных и переломных событий); альтернативность вариантов решений и необходимость выбора одной определенной альтернативы; создание возможностей для оценки и измерения вероятности того или иного исхода событий в результате принятого решения.

Снижение управляемости международных процессов

В начале XXI в. Международная система столкнулась с рядом новых проблем, вызовов и угроз. Одним из главных и принципиально новых вызовов стала отчетливо проявившаяся в последние 10–15 лет неспособность ведущих государств мира и международной системы в целом эффективно решать главные международные проблемы, контролировать самый процесс возникновения этих проблем и их влияние на общий ход мирового развития.

Нельзя сказать, что вопросы регулирования мирового развития и поведения участников международных отношений не привлекают внимания мирового сообщества и ведущих мировых государств. Напротив, в последние годы уже предприняты или предпринимаются важные шаги по координации процессов мирового развития в целях смягчения его глобальных диспропорций и предотвращения возможных экономических и политических потрясений, способных расколоть мир, разрушить мировой порядок. Начиная с 1971 г. Организация Объединенных Наций регулярно разрабатывает международные стратегии развития, призванные не просто определить проблемы глобального развития, но мобилизовать мировое сообщество на их возможно быстрое решение. Принятию этих стратегий предшествуют многочисленные международные конференции и специальные сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которых обсуждается повестка современного мирового развития, разрабатываются программы действий – превентивных, корректирующих и информационно-контрольных. В 2015 г. истекает срок действия Четвертой международной стратегии развития. В ее основу положена Декларация тысячелетия, принятая на так называемом Саммите тысячелетия, который проходил в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке. Саммит утвердил цели тысячелетия в области глобального

развития: ликвидация крайней нищеты и голода, обеспечение всеобщего начального образования, поощрение равенства мужчин и женщин при соответствующем расширении прав и возможностей женщин, сокращение детской смертности, улучшение охраны материнства, борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими опасными заболеваниями, обеспечение экологической устойчивости развития, формирование глобального партнерства в целях развития. Основу этой программы заложили проходившие в 1990-е гг. многочисленные конференции и встречи на высшем уровне, сформировавшие повестку дня мирового развития. Только проблеме обеспечения всеобщего образования и грамотности было посвящено семь всемирных встреч на высшем уровне и международных конференций: встречи в интересах детей (Нью-Йорк, 1990 г.), в интересах социального развития (Копенгаген, 1995 г.), Четвертая Всемирная конференция по положению женщин (Пекин, 1995 г.), Всемирная конференция по вопросам образования для всех (Чомтъен, Таиланд, 1990 г.), Международная конференция по народонаселению и развитию (Каир, 1994 г.), Всемирный форум (Дакар, Сенегал, 2000 г.). Аналогичные многочисленные встречи и конференции были проведены в этот период по проблемам искоренения в глобальном масштабе нищеты, голода и недоедания; охраны здоровья, профилактики здоровья и снижения смертности; всеобщего утверждения принципа равенства между мужчинами и женщинами; содействия росту занятости; обеспечения экологической устойчивости мирового развития; социальной интеграции общества; поощрения формирования и развития демократии; «хорошего правления» (Good Governance) и прав человека; укрепления глобального партнерства в целях развития; содействия научно-техническому прогрессу в интересах развития и т. д.

С 1990-х гг. под эгидой ООН разработаны и внедряются в практику государств-участников международные статистические проекты в области управления результатами развития, призванные контролировать уровень социально-экономического неравенства различных стран мира. Одним из главных проектов этого рода стало создание системы Партнерства в интересах развития статистических систем в XXI в. (*The Partnership for Statistics in Development in 21st Century*). В рамках этого проекта региональные подразделения ООН, международные агентства и организации-доноры 88 стран одобрили Национальные стратегии развития статистических систем для более

комплексного и согласованного развития национальных статистических систем. Таким образом, отмечают авторы уже упомянутого исследования в области международной эконометрики, сделан важный шаг к созданию глобального механизма мониторинга и оценки продвижения стран и обществ в целях успешного развития: «...вместо частных моделей, понятных узкому кругу специалистов и экспертов, появилась *широкая информационная платформа*, с удобным пользовательским интерфейсом, которая способна предоставить необходимые инструменты для достижения консенсуса между политическим истеблишментом, бизнесом и гражданским обществом относительно выбора концепций и путей развития» (Попова и др. 2010: 89). Появились структуры метаданных, позволяющие количественно измерять и сопоставлять информацию о параметрах функционирования и развития национальных экономик и государственно организованных обществ.

Нельзя не отметить также быстрое расширение в последние десятилетия институционально регулируемой сферы международных отношений, позволяющей контролировать и корректировать поведение признанных участников мировой системы (в первую очередь государств). Произошло резкое увеличение количества норм, правил, предписаний поведения признанных участников международных отношений, одновременно с этим существенно расширилась сфера их применения. Сегодня она включает практически все критически важные области международных взаимодействий. Возникли также специфические международные режимы обеспечения мировой политической стабильности, центральное место среди них занял режим нераспространения оружия массового уничтожения, ограничивший гонку ядерных вооружений.

Тем не менее и к середине второго десятилетия XXI в. не решена ни одна из проблем глобального развития, угрожающих на системном уровне мировой региональной стабильности, национальной и международной безопасности. Речь идет о проблемах, порождаемых усилением целостности и единства мира (экономического, технологического, информационного) и отражающих вместе с тем его разделение, стратификацию на макрорегиональные и локальные блоки. Растущие вызовы мировой стабильности и безопасности создают нерешенные проблемы поляризации мировой экономической системы между бедными и богатыми странами; политическую радикализацию периферии мир-системы; продолжающийся

быстрый рост населения в наименее развитых и засушливых странах (в основном африканские страны южнее Сахары) и связанное с этим обострение гуманитарных проблем; по-прежнему неконтролируемый рост нелегальных транснациональных сетей криминальной и террористической направленности. Возможности контроля над этими процессами не только на глобальном, но и на национальном уровне подрываются становящимся все более множественным и хаотическим взаимодействием разнородных по своей природе, задачам, функциям, степени организованности и легитимности международных акторов. Сама целостность системы международных отношений теперь в значительной или решающей степени обеспечивается разнообразными сетевыми технологиями и способами самоорганизации, что усиливает ее подверженность внезапным и неожиданным изменениям, переходу в критические состояния. Государства остаются главным субъектом международных отношений, но государственные институты ослабляются мировыми дестабилизирующими процессами (трансграничными по своей природе и масштабам), это, в свою очередь, усиливает хаотичность мировых процессов.

Ослабление государственного контроля над международными отношениями порождает такие проблемы и трудности общественного развития, которые уже в принципе нельзя измерить количественными показателями экономического роста, эти проблемы и трудности поднимаются на более высокий уровень социальных и политических угроз и вызовов (Абрамова и др. 2007: 60). Выражением нового противоречия мирового развития – отрыва экономического роста и его показателей (абсолютных и душевых значений валового внутреннего продукта) от действительной социальной эволюции ряда развивающихся стран – становится проблема так называемых «несостоявшихся государств» (*failed states*). Речь идет о государственных образованиях, переживающих системный политический кризис, не обладающих внутренней и внешней политической легитимностью, экономическими, военными и политическими ресурсами, необходимыми для контроля над своей территорией и для интеграции общества. Возникли группы и региональные блоки стран, лишенных, по сути дела, нормального государственного управления в результате развития системной коррупции, деградации правоохранительной системы, недееспособности центральной власти, усиления этнического и религиозного сепаратиз-

ма (значительная часть так называемого Большого Ближнего Востока, Тропической Африки, Центральной и Южной Азии). Будущее подобных государств трудно предсказать на основе простого перечня целей и задач социально-экономического развития, даже если этот перечень устанавливается структурами ООН на основе авторитетных мнений международных экспертов.

Однако и в глобальном масштабе, в рамках мир-системы как целостного, взаимозависимого мира, наблюдается явное снижение (если не сказать падение) уровня регулируемости и контролируемости основных процессов и тенденций развития. Это проявляется и в кризисе мирового порядка – размывании международных норм, стирании грани между законными и незаконными действиями, и в усилении роли негосударственных игроков, и в снижении привлекательности, конкурентоспособности западной модели экономического развития, и в приверженности стран Запада политической модели статус-кво (Европейский союз) или устаревшим идеологическим догматам (США), и в подведении новой идейной мирополитической основы – исламский проект глобального политического переустройства – под локальные и региональные политические кризисы в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии. Снижение регулируемости процессов и тенденций мирового развития получает институциональное выражение (ослабление роли ООН в урегулировании международных кризисов и конфликтов, внутренние противоречия в работе международных отраслевых организаций, снижающие их транснациональный статус, дестабилизация режима нераспространения ядерного и химического оружия). К проявлениям той же тенденции можно отнести и отсутствие согласованной универсальной позиции мирового сообщества в отношении современных критериев и стандартов государственного суверенитета, определения международного терроризма и легитимных способов борьбы с террористической угрозой.

Потребность в новых моделях международной системы, адаптированных к условиям глобальной неопределенности

Суть и значение всех этих новых проблем, вызовов и угроз лучше всего выражает понятие глобального перехода, создающего про-

блемную ситуацию глобальной неопределенности, хаотической самоорганизации гигантски усложнившихся процессов, факторов и тенденций мирового развития. Неопределенность мира и мирового развития качественно возрастает. Созданная человечеством искусственная среда развития достигает таких размеров, сложности и разнообразия, что фактически уже не может эффективно контролироваться и даже восприниматься человеком во всех возможных траекториях и последствиях ее эволюции. Принципиально непредсказуемы все возможные варианты поведения глобальных социальных сетей. Неопределенность сетевых взаимодействий определяется не только высокой степенью их автономии и самоорганизации, но и развитием – параллельно с ними и отчасти на их основе – так называемых абстрактных социальных символов и символических практик, не требующих непосредственных контактов участников социальных взаимодействий: безналичных денег, всевозможных ценных бумаг и их суррогатов, виртуальных (еще не произведенных) товаров.

Такого рода практики играют все большую роль в жизни и развитии современного общества, превращая его структуру в абстрактную и остро проблематичную систему отношений, автономную, строящуюся по своим законам относительно собственно социальной общности людей. В локальных, территориально организованных сообществах «социальная абстракция» не становится и не может стать всеобъемлющей, неконтролируемой сферой общественной жизни. Но в глобальных социальных и информационных сетях, в потоках информации, инноваций, людей, товаров, капиталов, пересекающих во всех направлениях глобальное пространство, мир «социальных абстракций» подчиняет себе общество. Мировые товарные рынки с точки зрения условий своего функционирования давно превратились в финансовые. На них оборачиваются в основном бумажные активы. В огромной степени этому содействует механизм фьючерсной торговли (торговли произведенными товарами). Этот механизм уже превратился в основу функционирования сырьевых рынков и привел к тому, что для контроля над ними теперь в обязательном порядке нужны колоссальные финансовые резервы.

Глобальные финансовые рынки создают практически неограниченные условия для организации и эскалации мировой финансовой

пирамиды в виде так называемых производных ценных бумаг (деривативов), обязывающих или дающих право купить/продать определенное количество базовых активов по заранее установленной цене и в установленные сроки. Из инструмента страхования (хеджирования) финансовых рисков деривативы превратились в почти идеальное средство глобальных спекуляций и системного давления на мировые рыночные цены. В итоге финансовые спекуляции «вышли из тени», преобразовались из периферийного в главное звено мировой финансовой системы. Это настолько подняло уровень нестабильности и неопределенности развития мировой экономики, что даже специалисты начали использовать игровые, рискованные метафоры – «рулеточная экономика», «экономика глобального казино».

Параллельно с мировыми финансовыми структурами во второй половине XX в. возникли также общепланетарные системы жизнеобеспечения современных обществ – транспортная, топливно-энергетическая, информационная, природно-экологическая. Они также все более отчуждаются от человека и институционально организованного, упорядоченного и контролируемого общества. Отчуждаются объективно, в силу использования символических практик, самоусложнения встроенных в эти системы знаний и навыков, не просчитываемых до конца, не всегда представимых последствий соорганизации образующих их факторов и элементов. Даже ощутить, а тем более понять всю сложность устройства этих систем обычному человеку столь же сложно, как разобраться в законах микромира или космических технологиях. В результате поднимается значение (столь же абстрактное для обыкновенного человека) сообществ профессионалов и специалистов-экспертов, что, однако, не уменьшает, а парадоксальным образом увеличивает ощущение нарастающей глобальной неопределенности. И не только потому, что «борьба с неопределенностью» требует все новых, более сложных и менее доступных широкой публике знаний и информации, но в первую очередь потому, что сегодня ни одно даже самое подготовленное общество экспертов-профессионалов не может учесть всю совокупность факторов и условий, определяющих дальнейшее развитие созданных человеком глобальных систем. Дополнительным фактором неопределенности становится само профессиональное «знание будущего», когда оно освящается авторитетом между-

народных организаций и превращается в настоятельные рекомендации «делать это» и «не делать то».

Существует и более глубокое основание растущей глобальной неопределенности. Оно заключено в природе самих современных символических практик и с наибольшей силой дает о себе знать именно в транснациональном социальном пространстве. Символические практики – от финансовых манипуляций и пиар-кампаний до трансляции знаний – теперь решающим образом зависят от хаотических потоков информационных данных, а не от наличной материальной действительности и уже поэтому не поддаются эффективному общественному и политическому контролю, не признают формализованных норм и рамок.

В конечном счете преображается и структурно изменяется и характер самой глобальной реальности. Ее главными элементами становятся сетевые образования: отдельные группы звеньев той или иной сети, связанные с остальной сетью через узел (наиболее развитое звено сети), система приоритетов и проектов, определяющая общий вектор изменений и развития сети, центры (доминанты) сети, устанавливающие такие приоритеты и манипулирующие ими. Наиболее успешные и продолжительные сетевые проекты творят свое социальное пространство, собственные социальные миры. Это до некоторой степени сближает действительность глобализации с виртуальной реальностью уже не только на уровне информационных технологий, но и на уровне самой социальной действительности. По условиям своего формирования и логике развития эта действительность приобретает черты деструктивной реальности – неупорядоченной, неопределенной, хаотизированной. Развиваясь во все более неустойчивом режиме глобального перехода, вне заданных социальных размерностей, эта действительность приобретает черты социального хаоса, превосходящего по своим масштабам и последствиям хаотические состояния общества в ситуациях перехода от одной социальной системы к другой.

Неопределенность и непредсказуемость процессов глобального перехода имеют и еще одно важное последствие. Они размывают и делают неустойчивыми разнообразные концепции и парадигмы мирового развития и международной системы. Снижается, релятивизируется значение опыта предыдущих этапов развития этой системы, сужаются горизонты прогноза глобальных процессов и тен-

денций, определяющих будущее мира. И, напротив, возрастает значение теоретических подходов, методов наблюдения и анализа, приближенных к неопределенной, хаотизированной действительности глобального перехода, ставящих самого наблюдателя в положение *риск-тейкера*. Нужны модели и методы, очерчивающие возможности контроля и регулирования глобальных процессов, приспособленные к условиям множественности и неопределенности траекторий мирового развития. Нужны модели неожиданных изменений условий глобального перехода, способных быстро и существенно изменить основные параметры мирового порядка и организацию международной системы. Нужна обобщенная теоретическая категория, учитывающая открытый, неопределенный характер глобального перехода и одновременно рассматривающая множество переплетающихся международных взаимодействий как целостный и сравнительно простой предмет анализа.

В отечественной международно-политической науке проблема моделирования состояний международной системы применительно к условиям хаотизации международных отношений исследована научным сотрудником факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ Д. В. Суловым (2008: 143–179). В качестве важнейших характеристик международной системы в этих условиях он выделяет ее целостность, субъектность (способность гасить и предотвращать конфликты и кризисы, которые могут угрожать стабильности всей системы и безопасности ее основных участников), а в качестве проблемы – контролируемость главных процессов и тенденций международного развития. Традиционные категории международной политологии – стабильность, безопасность, порядок – «не выводят на первое место» эти характеристики и поэтому не годятся на роль обобщенной категории формирующегося «по-настоящему целостного и взаимозависимого мира». Следующий за этим наблюдением вывод относительно наиболее подходящей аналитической категории представляется достаточно логичным и убедительным. В условиях растущей хаотичности и неконтролируемости международных процессов наиболее значимой становится категория *управляемости* международной системы, она полнее всего отражает параметры целостности, субъектности системы и переменную величину контролируемости международного развития, через которую она себя проявляет.

Операционализируя эти параметры, Д. В. Суслов выделяет три категории факторов, определяющих уровень управляемости: 1) природа, количество и иерархия субъектов регулирования, то есть собственно участников системы – чем меньше таких участников, чем они более однородны и чем больше доля «осознанного» регулирования, тем выше уровень управляемости; 2) действия по регулированию и их совместимость друг с другом. Уровень управляемости тем выше, чем более регулирование, осуществляемое главными участниками системы (ведущими державами), адекватно основным вызовам и угрозам, чем чаще «регулирующие импульсы взаимно дополняют друг друга» и чем больше они совпадают с соответствующими импульсами «позитивных негосударственных игроков»; 3) «нормы, правила, механизмы, режимы и институты, с помощью которых участники международной системы осуществляют регулирование» (Суслов 2008: 145).

Важно отметить, что в подходе Д. В. Суслова к обобщенной характеристике мировой системы речь идет не о глобальном управлении вообще, а о вполне конкретном, операциональном свойстве международной системы – ее способности контролировать и направлять главные процессы мирового развития и на этой основе поддерживать достаточный уровень своей целостности и субъектности в условиях быстрого нарастания сложности и неопределенности глобализирующегося мира. Данный подход принципиально важен для понимания и научного анализа самой идеи глобального управления, ее соответствия реалиям, условиям и трендам глобализации. Идея упорядочения международной системы посредством особого регулирующего механизма, обязательного для всех участников международных отношений, в виде целенаправленного и организованного регулирования глобальных процессов мирового развития возникла и получила признание после создания в 1995 г. Комиссии ООН по глобальному управлению. Создание этого органа обозначило новый глобальный уровень деятельности ООН и других международных организаций, выходящий за рамки традиционных проблем международной стабильности и безопасности, поддержания мирового порядка. Целью деятельности комиссии стал поиск решения глобальных проблем человечества, создающих риск радикальных перемен в условиях мирового развития, кризиса мирового порядка. С тех пор вопросы содержания и политики гло-

бального управления стали темой новых исследований и непрекращающихся научных дискуссий, связанных с осознанием новых вызовов и угроз существующей международной системе, стабильному существованию человечества в целом (Approaches... 1999; The Politics... 1997).

Вместе с тем идея глобального управления пока остается аналитическим конструктом, находящимся в процессе концептуальной разработки, согласования и апробации теоретических позиций. Существуют различные концепции организации глобального управления. В одном концептуальном подходе глобальное управление отождествляется с созданием новых международных институтов, соответствующих уровню и актуальному значению глобальных проблем, в другом идея глобального управления ограничивается задачей реформирования существующих международных институтов путем наделения их более широким кругом полномочий, третий подход трактует глобальное управление как неинституционализированное политическое управление глобальными процессами в форме глобального консенсуса демократических стран и в форме одностороннего глобального доминирования ведущей державы (Барабанов 2009: 56).

На понимание содержания и возможностей глобального управления большое влияние оказывают основные теоретические парадигмы международных исследований: неореализм и неолиберализм. С позиций неореализма тенденции развития глобального управления ограничиваются исключительно сферой экономики (управляющие воздействия ТНК и международных финансовых институтов), тогда как в сфере собственно международной политики механизм управления продолжает определяться анархическим устройством мира и соответствующим его условиям взаимодействием государств, а результаты такого взаимодействия по-прежнему всецело определяются формами силовых отношений в политической и экономической сферах (Сандерс 1999: 422). Кроме того, регулирование глобальных процессов и тенденций, по самому смыслу этого понятия, не может обойтись без эффективных механизмов контроля и мирных форм изменений, что может быть обеспечено только эффективным государством и его институтами. В то же время с позиций неолиберальной парадигмы основой глобального управления является усиление наднациональных международных

институтов и режимов, делегитимация отказа от сотрудничества, а его цели и задачи могут быть реализованы только при условии выхода глобальной политики за пределы принципов силовых взаимоотношений (Сандерс 1999: 423). Таким образом, идея и понятие глобального управления остаются предметом парадигмальных споров и как аналитический конструкт не имеют однозначного научного и нормативного содержания.

В то же время реальные глобальные тенденции мирового развития все чаще становятся объектом стихийного управления, которое развивается на основе единичных, случайных или несогласованных действий, резко расширяет зону проблемных ситуаций, непредвиденных политических и экономических рисков, часто приводящих к настоящим международным потрясениям (финансовые спекулятивные транзакции; запуск на глобальном уровне имиджевых характеристик лидеров, событий и целых стран; нерегулируемая экспансия ценностей, символов и образцов глобальной коммерческой культуры; деятельность глобальных массмедиа; террористические акты как способ информационного воздействия на массовую аудиторию в различных странах; хакерские атаки на управляющие информационные системы и т. д.). Сам феномен глобальной неопределенности предстает в значительной степени как результат подобных практически неконтролируемых в глобальном масштабе рискованных решений и действий: обвалов финансовых рынков, создания и конкуренции виртуальных продуктов – торговых марок, корпоративных стилей, политических имиджей, новостных сенсаций, информационных войн в пространстве Интернета. Государственные учреждения практически неспособны регулировать подобные действия, что приводит в конечном счете к появлению новых форм концентрации власти, формированию виртуальных империй (Иванов 2002: 184–185). В то же время использование стихийных форм управления глобальным пространством становится все более направленным и организованным, подчиняется интересам транснациональных финансовых, политических, религиозных групп и движений, превращается в норму глобальных сетевых взаимодействий.

В ситуации расширяющейся информационной борьбы, развития информационно-коммуникационных технологий как основания и средства трансформации социальных систем концептуальные во-

просы глобального управления не могут рассматриваться в отрыве от проблемы общей управляемости международной системы в ее различных формах и разновидностях. Усиливается ли ее роль в процессах принятия решений в мировой экономике и политике и, соответственно, снижается ли уровень сопряженных с этими решениями неопределенности и рисков? Или же эта роль относительно уменьшается, а сфера неопределенности и рисков как результат анархии в международном экономическом и политическом регулировании соответствующим образом расширяется?

В этом контексте оценки и выводы Д. В. Сулова интересны как опыт моделирования и экспертного прогноза управляемости международной системы. Возникает вопрос: в какой степени и форме современные разработки в области прогнозирования, экспертного политического анализа и стратегического планирования могут служить инструментом уменьшения неопределенности и рисков глобальной трансформации мира, уточнения и обоснования знания о возможных стратегических перспективах мирового развития?

Ответы, которые Д. В. Сулов дает на ключевой вопрос своего исследования «Можно ли управлять миром?», базируются на анализе состояния управляемости и регулирования международной системы и тенденций их развития в начале 2000-х гг. и на перспективу (до 2020 г.). При этом проводится ясное различие между категориями «управляемость» и «регулирование» как разными аспектами комплексного понятия *governance*. Под управляемостью понимается способность системы контролировать и рационально направлять главные процессы изменений и таким образом «предотвращать конфликты и кризисы, которые могут угрожать стабильности всей системы»; регулируемость трактуется как «процесс, направленный на упорядочение международной системы, снижение в ней доли хаотичности и непредсказуемости» (Сулов 2008: 144–145). Таким образом, анализ управляемости международной системы приобретает более артикулированный, детализированный характер. В трактовке процессов собственно глобального регулирования исследователь явно склоняется к неореалистской парадигме международных отношений. Состояние глобального регулирования однозначно увязывается с усилением или ослаблением государственного начала в международных отношениях, с «эффективным государством» как «доминирующей формой организации со-

циально-политического пространства». «Эффективное государство представляется сегодня наиболее *ответственным игроком*, вносящим самый существенный вклад в глобальное регулирование. В отличие от негосударственных сетей государство подотчетно международному праву и населению. Ослабление государственного начала в международных отношениях означало бы усиление неконтролируемости глобальных экономических и политических процессов. Большая часть неконтролируемых или мало контролируемых дестабилизирующих процессов и явлений (международный терроризм, политический и религиозный радикализм, гражданские войны, распространение ОМУ) являются прямым следствием ослабления (или отсутствия) государственных институтов как таковых. Чем эффективнее внутригосударственное управление, тем прочнее глобальное регулирование и выше управляемость международной системы» (Суслов 2008: 145–146).

Из этого ключевого постулата вытекают и главные выводы относительно состояния и главного тренда управляемости – регулирования международных отношений к концу первого десятилетия нового века. Доминирующей тенденцией признается снижение управляемости и эффективности процесса глобального регулирования. К главным факторам этого тренда, под влиянием которых управляемость – регулирование международных процессов – начала приобретать неконтролируемый характер, Д. В. Суслов относит изменение качественного и количественного состава участников международной системы в результате ослабления ряда развивающихся стран и общего усиления роли негосударственных игроков. «Многие негосударственные игроки, – уточняет этот вывод автор в логике концепции эффективного государства, – действуют на благо государства и способствуют повышению эффективности их управляющих функций. Однако *позитивные примеры подобного взаимодействия, по сути, зафиксированы только в развитых государствах*. Организации западного гражданского общества и бизнеса действуют в условиях эффективного государства. Страны, находящиеся на ином этапе развития, зачастую не имеют ни отлаженного государственного управления, ни зрелого гражданского общества», открывая путь сетевым структурам «к полному господству над социально-политическим пространством слабых государств», вследствие чего «усугубляется общая дестабилизация, возрастает непредсказуемость и конфликтность» (Там же: 148).

В соответствии с постулатом эффективного государства особое внимание уделяется состоянию «силовой иерархии» (термин Д. В. Суслова) участников международной системы. Констатируя относительную стабильность этой иерархии и ее главного фактора (Соединенные Штаты значительно опережают всех по комплексному показателю мощи), автор отмечает как новую тенденцию 2000-х гг. снижение политического влияния США в результате «избыточной идеологизации» американской внешней политики и делает следующий важный вывод: «Дальнейшее политическое ослабление Соединенных Штатов изменит иерархию международной системы, особенно если Вашингтон не умерит идеологический компонент во внешней политике» (Суслов 2008: 149). Что касается процесса глобального регулирования, «осуществляемого внутренне сильными и устойчивыми государствами» «старого» Запада, то он, по мнению Д. В. Суслова, в значительной степени теряет эффективность в результате либо пассивного отношения этих государств к регулированию международной системы (позиция государств ЕС), либо ориентации на решение ложных, а не реальных проблем стабильности этой системы. Укреплению «силовой иерархии» государств и более эффективному (на этой основе) регулированию международной системы, полагает автор, могло бы способствовать экономическое и политическое усиление новых мировых держав, стремящихся к более активному участию в регулировании мировой экономики и политики (Китай, Индия, Россия). В международной системе «укрепляется государственное начало, появляются новые игроки, способные подключиться к поиску ответов на угрозы и вызовы безопасности, вносить вклад в восстановление контроля государств над международными процессами» (Там же). В рамках реалистской парадигмы это может интерпретироваться как возможный и очень важный шаг к восстановлению необходимого уровня управляемости и регулируемости всей мировой системы. «Появился шанс на создание дееспособного “группового полюса”, который объединил бы наиболее сильные и стабильные государства мира – США, ведущие страны – члены Европейского союза, КНР, Россию, Индию, Бразилию. Компенсируя политическое ослабление Америки, это предотвратило бы появление глобального вакуума силы и управляемости» (Там же: 156–157).

К факторам снижения уровня упорядоченности и контролируемости международной системы отнесено также ослабление ее

главных регулирующих институтов. «Большинство институтов, созданных в годы “холодной войны”, не справляются с решением новых угроз и вызовов безопасности, носящих, как правило, трансграничный, дисперсный и сетевой характер. Перспективы же создания в ближайшие годы организаций, специально ориентированных на выполнение данных задач, крайне малы. Сформировалась тенденция принятия все большего числа решений вне рамок международных институтов, что лишает и их, и принимаемые решения существенной доли легитимности» (Суслов 2008: 156–157). В этой ситуации нарастания стихийного и деструктивного характера управления мировыми процессами Д. В. Суслов видит исключительно проявления расширяющегося институционального кризиса международной системы: ослабление главного многостороннего института принятия международных решений – ООН; снижение роли НАТО, в силу снижения влияния США, одностороннего характера американской внешней политики и неприятия универсального статуса этой организации Россией, Китаем, Бразилией и другими странами, не входящими в данный союз; усиление противоречий в работе «Большой восьмерки» параллельно с превращением «Восьмерки» в эффективный механизм регулирования международных отношений (особо отмечается проведение «Восьмеркой» экономической политики, направленной на улучшение государственного управления развивающихся стран). Отмечается и сложное сочетание этой тенденции с тенденцией укрепления Шанхайской организации сотрудничества, способствующей повышению управляемости одного из наиболее бурно развивающихся, но взрывоопасных регионов мира. «...Само по себе объединение стран Центральной, Южной и Восточной Евразии в рамках одной организации автоматически ставит вопрос о перспективах отношений этого института с США, американскими союзниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Атлантическим сообществом. Соперничество в регионах Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, России и Китая, с одной стороны, и США – с другой, негативно воздействует на региональную стабильность и управляемость» (Там же: 160).

К характерному проявлению институционального кризиса международной системы отнесена и парадоксальная ситуация с правилами и нормами, регулирующими поведение участников системы:

увеличение количества этих норм и правил параллельно с ослаблением или разрушением правил, регулирующих наиболее значимые области поведения государств.

Положенная в основу анализа управляемости и регулируемости международной системы реалистская парадигма дает и достаточно ясные (если не сказать – очевидные) ориентиры в оценке перспектив трансформации субъектов такого регулирования, то есть, по существу, субъектности самой этой системы. С одной стороны, отмечается отсутствие *«серьезного улучшения государственного управления»* в мире в целом, но с другой – в качестве «главной позитивной тенденции» выделяется «своего рода “возвращение государства” – постепенное усиление его регулирующей роли в экономике, социальной сфере и международных отношениях» (Суслов 2008: 164). Как событие поворотного значения для укрепления данной тенденции отмечается отказ институтов глобального экономического регулирования от политики ослабления государства в ходе экономической либерализации и переход к осуществлению программ, ставящих своей целью повышение качества государственного управления и усиление государств. Определенность и позитивность результатов этой тенденции, по мнению автора, подчеркивает заметное улучшение госуправления в ряде развивающихся стран (Индонезия, Таджикистан, Сербия, Словакия, Нигер, Сьерра-Леоне, Конго и др.). Достаточно определенным выглядит и общий прогноз развития управляемости и регулирования. В основу прогноза положен сценарный анализ изменения иерархии государств до 2020 г. Два сценария, определяемые как основные, принимают за отправной пункт наиболее вероятных траекторий развития «сегодняшнее временное ослабление лидерства США и их политического влияния». Согласно первому сценарию, ослабление американского лидерства «не будет компенсироваться приобретением другими центрами силы больших регулирующих способностей», «это создаст предпосылки формирования к 2017–2020 гг. бесполюсного мира, в котором существующие центры влияния не смогут заполнить общий силовой вакуум и установить даже относительный порядок, а доля государственного регулирования сократится», соответственно, возрастут угрозы международной стабильности и безопасности, в том числе распространения ОМУ, исламистского терроризма, региональной нестабильности, деградации го-

сударственного управления «развивающихся» стран» (Суслов 2008: 167). По второму сценарию, вероятность которого, по мнению Д. В. Суслова, будет возрастать, временное ослабление лидерства США «обернется вспять» по причине усиления России, Китая и Индии и вследствие нежелания Америки и Запада в целом разделять с ними, в первую очередь с Россией и Китаем, свою долю в глобальном регулировании. Подъем новых центров силы, как полагает Суслов, может стать для Соединенных Штатов новым мобилизационным фактором, каким был СССР после вьетнамского поражения США.

Однако «наилучшим для управляемости» был бы третий сценарий изменения силовой иерархии государств – развитие ее «в сторону создания группового полюса (страны Запада, Россия, Китай, Индия), реализующего единую стратегию мирного регулирования» (Там же: 168). Предпосылки для этого сценария возникают в разных странах и регионах мира – «усиление и активизация международной роли России, Китая, Индии, Бразилии, попытка Европейского союза играть более весомую международную роль, стремление ряда африканских государств выработать собственную политику решения проблем своего континента», да и в США «несколько укрепляются позиции сторонников многосторонней дипломатии» (Там же). Правда, вероятность реализации этого сценария в ближайшее время автор статьи считает незначительной. Но эта вероятность может увеличиться к концу прогнозируемого периода, если новое противостояние («старого» Запада и новых центров силы) не будет закреплено и структурировано военным расколом и не приобретет затяжной характер, а также при наличии соответствующей политической воли, прежде всего со стороны США.

В целом же, согласно прогнозу Д. В. Суслова, изменения качества процесса регулирования к 2020 г. будут главным образом зависеть от того, смогут ли развитые государства преодолеть нынешнее воздействие на их внешнюю политику идеологии (США), отказаться от приверженности статус-кво любой ценой (ЕС и США), проявят ли они большую готовность нести жертвы ради улучшения государственного управления слабых стран. Однозначного ответа, по его мнению, не существует, однако более вероятен пока негативный сценарий.

Для нашего исследования важна и интересна сама попытка построить определенную картину будущего международной системы,

сам процесс прогнозирования изменения параметров ее управляемости и регулируемости в условиях глобальной неопределенности. Очевидны методологические рамки прогноза: выбор наиболее вероятных процессов и вариантов развития глобального управления. В содержательном плане эти рамки определяет сценарный анализ наиболее вероятных трендов и рисков областей международной системы, определяемых качеством ее управляемости и регулируемости. Вполне правомерно при этом на первый план выдвигается целевой аспект прогноза, указывающий на желательное (оптимальное) состояние системы с точки зрения упорядоченности, контролируемости процессов ее развития. Желательный сценарий соотносится с наиболее вероятными вариантами развития событий. При этом во внимание принимаются основные акторы мировой политики, чьи интересы и влияние на международную систему способны определить динамику ее управляемости. Выявляются основные возможные риски, вызванные снижением эффективности регулирования и ослаблением управляемости международной системы: затяжной экономический или политический кризис системы, способный снизить ее субъектность; ужесточение международно-политической и экономической конкуренции между традиционным капитализмом «старого» Запада и новым поднимающимся капитализмом России, Индии, других азиатских стран; риски военно-политической структуризации противостояния двух капиталистических моделей – возможность нового военно-политического раскола мира на блоки «демократического» и «недемократического» капитализма»; общий риск усугубления проблемы управляемости. Заметно также наличие организационных элементов в процессе оценки глобальных рисков: от выявления их предпосылок и факторов до разработки рекомендаций для политики России с целью увеличить ее вклад в усиление глобальной управляемости. (Одна из рекомендаций состоит в желательности более активного участия России в повышении эффективности государственного управления в странах, находящихся в непосредственной близости к нашей стране, прежде всего в бывших советских республиках.)

Но для оценки результатов прогноза, рамок его достоверности, определения его собственно аналитической (предметной и методической) области недостаточно. Необходимо принять во внимание менее явные установки прогностического мышления, имеющие от-

ношение к стереотипам восприятия мира, образцам коллективной идентичности, в скрытой в этих установках естественной потребности человеческого сознания видеть мир более упорядоченным и контролируемым. В прогнозном анализе Д. В. Суслова эти установки не рефлексированы – не принимается в расчет картина мира, устоявшаяся модель мировидения, определяющая восприятие тенденций и движущих сил мирового развития. Можно, однако, заметить, что в оценке состояния и перспектив управляемости мир-системы Суслов принимает в расчет почти исключительно факторы определенности мирового развития – те его ведущие переменные, которые отражают параметры порядка, устанавливают жесткие причинно-следственные связи явлений и линейные траектории развития, снижают до минимального уровень непредвиденных рисков, невероятных или маловероятных событий. Рост непредсказуемости международной системы и ее участников (в том числе и основных) рассматривается как симптом, признак ухудшения положения в сфере мирового регулирования, обусловленный развитием сетевых структур, но не как свойство самой системы в нестационарных условиях глобального перехода. В результате упор делается на те факторы изменений, которые отражают скорее большие или меньшие колебания в стационарном состоянии этой системы. Эту роль играют парадигмально закрепляемые, нормативные образцы эффективного государства, надлежащего государственного управления, «силовой иерархии» государств.

Однако только с большим трудом и с большими когнитивными издержками можно вписать происходящие глобальные изменения, их динамику, движущие силы и результаты в модель «эффективного государства». Международная система быстро переходит или уже перешла в нестационарное состояние, отражением которого и становится растущая глобальная неопределенность процессов и тенденций развития. Смысл, дискурс, картина этого состояния означают, что никакой вариант, никакая модель развития, никакие международные события не могут считаться заранее предопределенными. По модели нестационарных состояний развиваются мировая экономическая система (фрагментация и интеграция глобальных рынков и структур производства), контроль над финансовыми потоками и процессами ценообразования. В сложной и непредсказуемой ситуации находятся мировая энергетическая и сырьевая системы, непредсказуемы последствия роста спроса на

сырье и энергию, а также климат и его изменения. Скачкообразный характер приобретают демографические траектории мирового развития. По мере усиления роли (силы и власти) негосударственных акторов – ТНК, медиаимперий, религиозных организаций и движений, этнических и политических кланов, криминальных структур и сетей – все более запутанным и быстро изменяющимся становится разделение власти в мире и все менее определенными, безусловными – геополитические модели мирового порядка (однополярного, многополярного, бесполярного).

Нестационарное состояние процессов и тенденций мирового развития заставляет вносить существенные коррективы в методологические принципы прогнозирования, в содержание задач, которые решаются в сценарном анализе будущего, в картину мира как устойчивого, упорядоченного целого. Сегодня это, по существу, важнейший путь адаптации аналитических и прогностических моделей экономической и политической практики к ситуации глобальной неопределенности. Необходимо учитывать беспрецедентную сложность современной международной системы, ее состава и связей, идущих в ней процессов, их нелинейность, подверженность резким изменениям. Результаты сценарного анализа и моделирования будущего должны превращаться в информационные продукты и услуги, в алгоритмы делового и социально-политического управления, в технологии глобального управления как составные и важные части стратегического планирования. Регулируемость мировых процессов приобретает при этом более ясное и значимое когнитивное измерение, становится производной от экономики знаний, технологий проектирования будущего, информационного и рефлексивного управления, исходящего из принципиальной неопределенности результатов управления и контроля, а по возможности и парирования этой неопределенности и использования ее в своих интересах.

На смену прогнозированию отдельных трендов и процессов развития по заранее известным параметрам приходит проектирование будущего – предвидение, «нащупывание» направлений развития при помощи разнообразных сценариев, имеющих значение комплексного стратегического прогноза, и в рамках развивающихся во времени программ, проектов (Малинецкий 2009: 316–323; Попова и др. 2010: 121). В одно целое, единую исследовательскую плат-

форму объединяются знания, базы данных, методы и технологии моделирования, методы мозгового штурма и сценарного анализа. Неопределенность и связанные с нею риски приобретают упорядоченную и отчасти контролируруемую форму конструируемых образцов – альтернативных сценариев и картин будущего, допускающих вероятность самых различных изменений в трендах и факторах развития. Появились специальные методологии, соединяющие в единое целое при прогнозировании стратегически важных направлений развития цели и приоритеты, собственно прогнозы и аналитические сценарии, технологии моделирования и постоянное коммуникационное взаимодействие представителей власти, деловых кругов, научного сообщества и общественности (метод Форсайта). Новое значение (и применение) в горизонте глобальной неопределенности получил возникший в середине XX в. метод артикуляции и согласования представлений, установок и предпочтений большого числа квалифицированных экспертов в данной проблемной области (метод Дельфи). Принципиально новые возможности прогнозирования последствий самых разных комбинаций независимых и зависимых переменных развития открывает компьютерное моделирование. Общие подходы к пониманию перехода от упорядоченных режимов развития к хаотическим, допускающим скачкообразные изменения в системе под влиянием процессов ее самоорганизации, разрабатывает синергетика.

Сценарный анализ и моделирование мировых рисков

Создаваемая новыми разработками и подходами картина моделируемого (потенциально контролируемого и регулируемого будущего) имеет важнейшую черту, отличающую ее от картины детерминированного, предопределенного будущего. Ключевое место в ней, а значит, и в определении траекторий развития начинают занимать факторы неопределенности, которые не укладываются в традиционные прогнозные схемы или даже не имеют прецедентов в современной истории с точки зрения распределения сил и влияния в международной системе, перспектив ее сохранения и эволюции как всеохватывающей, многосторонней сферы регулирования и контроля. Показательным примером движения именно в эту сторону аналитических и прогностических моделей может служить эволюция методов сценарного анализа и моделирования, которые ис-

пользуются в периодически публикуемых докладах-прогнозах Национального разведывательного совета США «Глобальные процессы». Содержание пяти опубликованных докладов объединяет общая проблемно-тематическая линия – выявление основных факторов, явлений и тенденций, которые могут определить мировую ситуацию на ближайшие 10–15 лет. Первый доклад «Global Trends 2010» был опубликован в 1997 г. и охватывал период до 2010 г., последний – пятый – доклад «Global Trends 2030: Alternative Worlds», опубликованный в 2012 г., содержит прогноз мирового развития до 2030 г. За 15 лет издания докладов их аналитическое и коммуникационное пространство расширялось по модели Форсайта – сообщество экспертов, привлекаемых к работе над докладами, становилось все более широким и разветвленным. Первый доклад отражал в основном мнения и уровень компетенции представителей разведывательного сообщества США, второй выпуск издания («Global Trends 2015») объединил более широкое и разнородное сообщество экспертов, независимых от правительства США, но в большинстве своем являвшихся гражданами США. К подготовке третьего доклада («Global Trends 2020») было привлечено уже значительное число экспертов, не являющихся гражданами США, завершению доклада предшествовало проведение шести семинаров на пяти континентах. В ходе подготовки четвертого доклада («Global Trends 2025. A Transformed World») параллельно с работой большого числа экспертов-американцев наброски доклада обсуждались через Интернет с представителями общественности из нескольких десятков стран. Этот же принцип широкой международной коммуникации положен в основу и последнего выпуска доклада.

Таким образом, проект постепенно приобрел важные информационно-коммуникационные функции, стал своеобразным мониторингом моделирования мира и его будущего. Если три первых выпуска были посвящены в основном ключевым мировым тенденциям, их влиянию на основные регионы и страны планеты (первый доклад), диалогу с неправительственными организациями относительно глобальных проблем и осмыслению результатов этой дискуссии в контексте проблем национальной безопасности (второй доклад), влиянию мировых тенденций на положение американских производителей (третий доклад), то формат четвертого доклада

всецело определило исследование неопределенности в динамике и результатах мирового развития. Речь идет о поддающихся методу прогнозной экстраполяции потенциальных рисков ситуациях и рисковом событиях, которые в случае своей реализации могут оказать переломное, несоразмерное их сегодняшнему значению влияние на состояние и перспективы мировой системы.

Ясно обозначен исходный пункт прогностических оценок – наибольшая вероятность нелинейных, турбулентных изменений всей конфигурации международной системы и главных факторов мировой политики. «Быстро меняющийся международный порядок во времена нарастающих геополитических проблем повышает вероятность переломов, встрясок и неожиданных поворотов. Никакие последствия не кажутся предопределенными: например, западная модель экономического либерализма, демократии и секуляризации, которые многим кажутся неизбежными, может утратить свой блеск – по крайней мере, в среднесрочной перспективе. В некоторых случаях элемент неожиданности – это просто дело времени: переход в сфере энергетики, например, неизбежен; вопрос только в том, когда произойдет этот переход и будет ли он резким или мягким. Прочие переломы предсказать сложнее» (Мир... 2009: 28).

Авторы доклада выделяют следующие, на их взгляд, ключевые факторы неопределенности, способные уже в среднесрочной перспективе вызвать переломные изменения в процессах мирового развития и управляемости международной системы:

- неопределенность ситуации в сфере энергетики (произойдет ли до 2025 г. фундаментальный переход на новые энергоносители, что может подорвать «государственную мощь» основных производителей нефти и газа, включая Россию);
- неопределенность мировой экологической ситуации – изменений климата и проявлений этих изменений в разных регионах;
- неопределенность возвращения в мировом масштабе политики меркантилизма («ресурсного национализма») и, соответственно, увеличения риска конфронтации между мировыми державами;
- неясность перспектив распространения политической либерализации и демократии в Китае и России;
- неопределенность последствий распространения ядерного оружия (вызовет ли угроза оснащения Ирана ядерным оружием

гонку вооружений и еще большую милитаризацию мировой политики?);

– неопределенность в зоне Большого Ближнего Востока (станет ли этот регион более стабильным, в особенности стабилизируется ли Ирак, разрешится ли мирным путем арабо-израильский конфликт?);

– неопределенность демографической ситуации в развитых странах (Европа, Япония), способной привести к долгосрочному экономическому спаду и вызвать социальный кризис;

– неопределенность перспектив взаимодействия мировых держав с международными организациями и мирового геополитического устройства (перспективы ООН, МВФ, НАТО, традиционных межгосударственных альянсов).

Возможность переломов и поворотов в распределении мировой власти и могущества артикулируют несколько воображаемых сценариев нового глобального распределения власти и влияния в результате непредвиденных потрясений в международной системе. В соответствии с первым сценарием («Мир без Запада») в результате отставания в экономическом росте западных стран, подъема мировых экономических «тяжеловесов» (Китай, Индия), создания мощной, хотя и хрупкой, китайско-российской коалиции, укрепления позиций ШОС в стратегически важных регионах США отходят на второй план в международной системе, а их роль в мировой политике существенно уменьшается. Вторым сценарий – «Октябрьский сюрприз» (в американском политическом сленге важное непредвиденное событие, которое может изменить результаты происходящих в ноябре выборов президента США) – рисует еще более неожиданные изменения. Отсутствие постоянного «глобального внимания» к изменениям климата оборачивается катастрофическими последствиями – экстремальные погодные события (серия разрушительных ураганов на востоке США в момент проведения Генеральной Ассамблеи ООН) приводят к закрытию Нью-Йоркской фондовой биржи, отказу от политики неограниченного экономического роста, смене приоритетов мировой энергетической политики в пользу возобновляемых источников энергии. По условиям третьего сценария («Распад БРИК») опасения Китая по поводу нарушения энергопоставок приводят к внезапному столкновению КНР с Индией, дезорганизации БРИК, конкуренции между миро-

выми державами и возникновению неустойчивого баланса сил, напоминающего ситуацию в Европе перед войной 1914 г. На фоне кризиса БРИК влияние США на мировую систему сильно возрастает, но международная система теряет управляемость в результате многочисленных внутренних переворотов и роста националистических настроений. Согласно четвертому сценарию, все тот же катастрофический нью-йоркский ураган приводит еще к одному сюрпризу. Резкое усиление обеспокоенности мирового общественного мнения относительно деградации окружающей среды и бездействия правительств в катастрофической ситуации глобального экологического кризиса дает толчок беспримерному усилению сетей гражданских активистов, в столицах своих стран они буквально вырывают из рук правительств проведение экологической политики и используют свое влияние, чтобы обеспечить избрание нового Генерального секретаря ООН.

Однако усилия экспертов – авторов доклада вряд ли привели бы к достижению поставленной цели – «помочь различить вехи, которые указывают, к чему ведут события, и определить возможность политического вмешательства, чтобы изменить или закрепить траектории определенных явлений» (Мир... 2009: 3), если бы исследование ограничилось только констатацией неопределенности международной ситуации, возможностей ее резких, нелинейных изменений в обозримом будущем. Скорее это усилило бы восприятие состояния системы как дезорганизованного целого, не поддающегося контролю и планированию хаотического переплетения множества международных и внутренних взаимодействий. Действительно, обозначенные в начале доклада факторы неопределенности не поддаются измерению и расчету, выделению во всей совокупности условий, обстоятельств, событий будущей мировой ситуации, тех переменных, которые окажут решающее влияние на решение представляющихся сейчас неясными узловых проблем мирового развития. Да и перечень этих проблем, сформулированных авторами прогноза, выглядит далеко не полным, отражающим в первую очередь интересы развитых стран и ведущих западных держав во главе с США. К ключевым факторам неопределенности можно было бы добавить перспективы развивающихся рынков в плане распределения мировых инвестиций, возможности сокращения или увеличения разрыва между богатыми и беднейшими странами, перспектив

масштабных мировых миграций и связанного с ними развития полиэтнических, поликонфессиональных, мультикультурных обществ. Эти факторы и их возможные последствия не рассматриваются в качестве ключевых аспектов глобальной неопределенности, как не рассматривается специально влияние на ситуацию неопределенности скорости глобальных изменений, роль в современном мире идеологий и идеологических сетей (прежде всего религиозных), перспективы информационно-коммуникационных технологий и т. д.

По меньшей мере проблематичен и выбор случайных событий. Для прогнозирования их вероятности необходимо постоянное наблюдение за развитием определенных ситуаций, устанавливающее частоту наступления событий на конечном множестве элементов и в определенном интервале значений. Но о какой вероятности неожиданных событий, выделяемых в сценариях, можно говорить с уверенностью, если существует неопределенность в самой оценке скорости ряда ключевых глобальных сдвигов, например изменений климата, возможностей получать и хранить энергию из альтернативных и разнообразных источников, перспектив открытой международной торговли, тенденций милитаризации международных отношений под влиянием неконтролируемого распространения ОМУ и перехода к новым типам вооружения и т. д.? Более того, по признанию самих авторов прогноза, «ни один (!) из описанных сценариев нельзя назвать неизбежным или даже вероятным; но, как и в случае со многими другими неопределенностями, эти сценарии способны изменить правила игры» (Мир... 2009: 29).

В этой связи вырисовывается определенная стратегическая направленность предлагаемых сценариев изменений мира к 2025 г. Задача этих сценариев заключается не просто в прогнозировании будущего распределения власти и влияния в глобальном масштабе, но прежде всего в стратегическом целеполагании – определении генеральной цели действий главных международных игроков на всех уровнях мировой политики. Составители сценариев в докладе «Global Trends 2025» ясно видят и определяют их основную стратегическую задачу: разворот нынешних тенденций в распределении власти и влияния («глобальный дефицит управления») в другом, противоположном направлении, для этого, уточняют задачу авторы

доклада, потребуется «мощное лидерство ряда сил, включая зарождающиеся» (Мир... 2009: 23). Поэтому «главные неопределенности и возможные следствия» рассматриваются с одной, определенной точки зрения – в контексте *«новых проблем, которые могут появиться в результате происходящих глобальных изменений»*. Эти проблемы предлагается оценивать в первую очередь с точки зрения рисков, заключенных в переходе к новой международной системе, – вероятностей возникновения «новых ситуаций, дилемм и серьезных затруднений, которые представляют собой отход от недавних путей развития».

Оценка рисков глобальных изменений составляет суть использованного в докладе метода сценарного моделирования, подхода к перспективам развития международной системы. Наблюдения и выводы экспертов обобщаются в единую аналитическую систему путем концентрации внимания на вероятности резких неожиданных изменений, встрясок и переломов в состоянии этой системы, придания анализу направленности рискованного подхода. Рисковая направленность сценарного моделирования имеет, как мы видим, четко выраженную геостратегическую составляющую, связывается с вопросами распределения власти и влияния в «новом мире» и тем, как новый расклад сил отразится на иерархии мировых держав и месте в ней США. Именно здесь заключена основная мотивация доклада, чего не скрывают и его составители. «...Мы не верим в то, что нас ждет полный крах (международной системы) – как это случилось в 1914–1918 гг., когда предшествовавшая этому фаза глобализации застыла. Однако следующие двадцать лет перехода к новой системе чреваты рисками – еще большими, чем нам представлялось, когда мы публиковали “Контурные мировые будущего” в 2004 г.» (Там же: 27).

Но рискованный подход не просто мотивирует сценарное моделирование будущего, он побуждает преодолевать неточность и размытость выводов, которые заложены в акцентировании глобальной неопределенности и ее ключевых факторов (или представляющихся таковыми наблюдателю). Неопределенное будущее исключает оценку вероятности событий, которые это будущее определяют или упорядочивают; понятие риска не просто допускает, но предполагает качественную и количественную оценку вероятности таких событий. Оценка ситуации как неопределенной означает, что мы не

можем предсказать с необходимой или достаточной точностью поведение множества переменных данной ситуации, не имеем ясных критериев и показателей значимости этих переменных, что заставляет оценивать события, способные создать эту ситуацию, как случайные, неожиданные, непредсказуемые. Оценка риска по своей природе нуждается в таких критериях и показателях, она не только устанавливает несоответствие, противоречие между желаемым и действительным, но и приобретает свое значение в определении степени вероятности этой случайности. Признание будущего неопределенным, перехода к новому состоянию системы хаотическим избавляет от наблюдения за частотой событий, формирующих это будущее, снижающих долю хаотичности в новой системе. Понятие риска вероятно по своей сути и потому предполагает такие наблюдения. Представление ситуации неопределенной кажется естественным и логичным в условиях недостатка информации об условиях и процессах ее возникновения. Изучение рисков (рисковый подход) предполагает наличие расширяющейся информационной базы или исследовательской платформы для выявления предпосылок соответствующих процессов в установленном интервале значений.

Моделирование сценариев будущего в прогнозе «Global Trends 2020» интересно прежде всего как попытка создания такой платформы и использования ее в геостратегических целях.

В основу сценариев в этом прогнозе положены типы рискованных ситуаций, которые, вероятнее всего, определяют переход к новой международной системе. Каждая из ситуаций получает имя (номинацию), устанавливающее интервал заключенных в ней значений, качественную характеристику определяющих ее видов риска. Первый сценарий определен как ситуация «новых игроков», возникновения новой многополярной системы. Второй – как ситуация «дефицита среди разнообразия», нехватки энергетических ресурсов, «проблемная ситуация еды и воды» в условиях роста потребления на развивающихся рынках «с одновременным воздействием появления новых игроков» и с учетом влияния мировых климатических и демографических изменений, распространения новых источников энергии. Третий сценарий представлен как «растущий конфликтный потенциал», конкуренция за ресурсы поднимающихся мировых держав, особенно острая в азиатском регионе. Четвертый сце-

нарий не менее определенный – «многополярность без мультилатерализма», ситуация перехлестывающихся, часто чрезвычайных и фрагментированных действий, меняющих свой состав коалиций государств-участников, а также становящихся все более разнообразными и активными негосударственных акторов.

Оценки рисков каждой ситуации получают вероятностные значения с дифференциацией их по уровню и видам заключенных в данной ситуации опасностей, испытаний для международной системы (меняющих правила игры в этой системе, критических и экстремальных или катастрофических с точки зрения перспективы дестабилизации и фрагментации).

Первый сценарий («Новые игроки») привлекает внимание к рискованной ситуации возникновения многополярной международной системы, имеющей меньший потенциал управляемости и регулируемости международных отношений и большей нестабильности международной системы. Большая вероятность возникновения именно этой ситуации определяется, исходя из экономического и демографического значения таких растущих держав, как Индия и Китай. Хотя «другие варианты и комбинации, внезапно возникающие на мировой арене», расцениваются как маловероятные, допускается возможность усиления роли и «прочих стран» «с потенциально высокоэффективными экономиками», например Ирана, Индонезии и Турции, «особенно в плане создания новых моделей мусульманского мира» (Мир... 2009: 72). Уровень и виды рисков, заключающихся в этой ситуации, идентифицируются прежде всего с перспективой падения мирового доминирования США и европейских держав. Вероятность этого сдвига рассматривается как высокая: «Соединенные Штаты окажутся всего лишь одним из важных игроков на мировой арене, хотя и самым могущественным», трудности европейской интеграции могут «превратить ЕС в хромающего гиганта, силы которого отвлечены на внутренние неурядицы и конкурирующие внутринациональные повестки дня, который едва ли способен трансформировать свое экономическое влияние в глобальное» (Там же: 77). Критическими (и менее вероятными) видами международного риска в этой ситуации являются «жесткий вызов» международной системе со стороны новых поднимающихся держав и, как его крайнее выражение, конфликт международных масштабов с риском возникновения новых правил и норм между-

народных отношений, дистанцирование новых держав друг от друга или, напротив, их объединение в мировую коалицию – соперника НАТО – и альтернативу западной модели развития.

Второй сценарий («Дефицит среди изобилия») связывает наиболее вероятный тип и уровень рисков с продолжительной эскалацией спроса на энергию, а также с «насильственными ограничениями» выброса парниковых газов, что может стать серьезной угрозой для экономического развития новых индустриальных стран (особенно Китая), чья промышленность не достигла пока высокого уровня эффективности в использовании энергии. В качестве другого наиболее вероятного вида риска выделяется проблема еды и воды, ее острота прогнозируется, исходя из высокого уровня рисков для стабильного потребительского рынка и для окружающей среды перехода к индустриальной модели сельского хозяйства и к широкому применению химических энергий в связи с растущей стоимостью энергии и неминуемым в этом случае возрастанием ущерба для окружающей среды. Подчеркивается, что «переключение с использования возделываемых для производства продуктов питания земель для производства биотоплива не является оптимальным решением и может обострить как энергетическую, так и продовольственную проблему»; в то же время «сочетание энергетической и климатической динамики расширяет возможность возникновения различных других проблем и бедствий, таких как проблемы здоровья населения, потери сельского хозяйства от действия сельскохозяйственных вредителей и ущерб от ураганов» (Там же: 92).

Основная опасность данной рискованной ситуации связывается с появлением беспрецедентного комплекса проблем в сфере мировой энергетики: обеспечение энергией глобального развития, распределение контроля над нефтяными и газовыми месторождениями, структура перспективных источников энергии. К проявлениям «фундаментального энергетического сдвига», в центре которого, по расчетам экспертов, к 2025 г. окажется мир, отнесены несовместимо низкий уровень добычи жидких углеводородов вне рамок ОПЕК по сравнению с мировым спросом, сокращение числа стран, способных в сколько-нибудь значимых количествах увеличить добычу жидкого топлива и концентрация этих стран преимущественно в регионе Ближнего Востока, превращение природного газа в самый быстрорастущий источник энергии (возможно, в сочетании

с каменным углем). Это затруднит переход к более чистым видам топлива и усилит значение энергетических систем, основанных на не возобновляемых источниках энергии, повысит значение энергетической геополитики и обострит проблему климатических изменений. Отсюда вероятность появления серьезных ограничений мирового экономического развития. «Стареющее население в развивающемся мире; растущая нехватка энергетических ресурсов, воды, продовольствия и озабоченность изменениями климата, вероятно, наложат отпечаток на исторически беспрецедентную продолжающуюся эру процветания» (Мир... 2009: 94).

Уровни и виды рисков этой ситуации определены в соответствии с вызовами «постнефтяного мира»: текущие риски выполнения нефтегазовых контрактов, обеспечения безопасности доступа к нефти и газу, борьбы за доступ к энергии; критические и, не исключено, экстремальные риски изменения климата. В отношении последней группы рисков подчеркивается, что «тревоги относительно изменений климата возрастут и станут более значимым фактором, нежели сами физические изменения, вызванные изменением климата. Представления о быстро изменяющейся окружающей среде могут стать причиной, побуждающей страны к односторонним действиям для обеспечения безопасности ресурсов, территории, других интересов» (Там же: 119). В то же время в качестве фактора, уменьшающего вероятность собственно физических изменений окружающей среды, указывается ограниченная способность современной науки предсказать масштабы крайних климатических сдвигов.

Третий рискованный сценарий («Растущий конфликтный потенциал») привлекает внимание к опасностям распространения, неуправляемого развития конфликтов в широком интервале значений (социальное возмущение, гражданские войны, межгосударственные конфликты). Уровень этого потенциала и вероятность его реализации выше всего в регионе Большого Ближнего Востока. Доклад 2009 г. не исключал возможности стабилизации «значительных частей региона», как и общего сокращения к 2025 г. афро-азиатской дуги нестабильности в результате возрастающей экономической активности населения, медленных, но заметных экономических реформ. Однако, по оценке авторов доклада, «прочие территории региона будут оставаться вполне созревшими для возникновения

конфликтов» (Мир... 2009: 127). К наиболее вероятным рискам изменения состава международных игроков и правил их поведения на Ближнем Востоке эксперты отнесли «распространение радикализма и повстанческих движений», подпитываемых глобальными коммуникациями и массмедиа, а к возможным критическим и экстремальным рискам – риски ускоренного создания и распространения в регионе ядерного оружия и – в крайнем варианте – его использования с большим разрушительным эффектом. Отмечено также, что критическим фактором сохранения региональной стабильности, если не мирового порядка в целом, станет развитие событий в Афганистане, Пакистане, Ираке: «...к 2025 г. траектории этих трех государств, возможно, значительно изменятся» (Там же: 142).

В последнем, четвертом рисковом сценарии («Многополярность без мультилатерализма») рассматривается возможность утраты к 2025 г. доминирующей роли в международной системе национальных государств и прихода на их место других мировых игроков. Этот риск эксперты считают достаточно вероятным «из-за появления новых глобальных игроков, все более неэффективных учреждений, расширения региональных блоков, все более коммуникационных технологий и увеличения влияния негосударственных акторов и сетей» (Там же: 155). Главным аргументом в пользу именно такого варианта развития событий служит прогнозируемый разрыв между необходимостью решения быстро нарастающих глобальных, транснациональных по своему содержанию проблем и недостаточностью для этого возможностей отдельных национальных государств. «Большинство насущных межнациональных проблем, включая изменение климата, регулирование глобальных финансовых рынков, миграцию, недееспособные государства, преступные сети и т. д., вряд ли будет возможно эффективно решить силами отдельных национальных государств. Потребность в эффективном глобальном управлении будет расти быстрее, чем на это вызов сумеют ответить существующие механизмы, лидеры будут предпринимать альтернативные подходы к решению межнациональных проблем – используя новые учреждения или, что более вероятно, многочисленные неофициальные группы»; в итоге «к 2025 г. национальные государства перестанут быть единственными, а часто и важнейшими акторами на мировой арене, и между-

народная система примет форму, соответствующую новой реальности» (Мир... 2009: 155, 156).

Контуры новой международной системы, соответствующие этому сценарию, рассматриваются в максимально широком интервале значений, вплоть до образования к 2025 г. нескольких международных систем, что будет означать ослабление многостороннего международного порядка. Таким образом, реализация данного сценария будет означать фрагментацию существующей международной системы. Проблемой мирового развития станет сама возможность объединения новых глобальных игроков с традиционными западными. Выделяется и достаточно широкий спектр конкретных рисков, соответствующих такому состоянию глобального управления. К рискам изменения нормативных основ мирового порядка отнесено образование макрорегиональных торгово-финансовых групп, которые со временем могут превратиться в международные квазиблоки (Северная Америка, Европа, Восточная Азия). «Создание таких квазиблоков, – отмечается в докладе, – окажет влияние на способность достигнуть будущих глобальных соглашений в рамках Всемирной торговой организации, а региональные группы смогут конкурировать в установлении межрегиональных стандартов для продуктов информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий, прав на интеллектуальную собственность и других продуктов “новой экономики”» (Там же: 158). Критический уровень фрагментации международной системы может составить риск образования альтернативного блока усиливающихся держав для прямой конфронтации с более прочным западным порядком, а уровень экстремальный – риск крупных религиозных войн и этнических беспорядков; в случае резкого прекращения глобального экономического роста, – утверждает в докладе, – они охватят многие страны, включая Бразилию, Индию, Китай и большую часть Африки. «Если даже умеренно суровые прогнозы об изменении климата верны, результат может вызвать религиозные конфликты во многих регионах Африки и Азии. Угроза таких конфликтов и представление меньшинств в качестве козлов отпущения наиболее реальны для мусульманских стран со значительным мусульманским меньшинством (Египет, Индонезия, Судан); преимущественно христианских государств со значительным мусульманским меньшинством (Демократическая Республика Конго, Филип-

пины, Уганда); и для стран с равным количеством христиан и мусульман (Эфиопия, Нигерия, Танзания)» (Мир... 2009: 163–164).

Составители доклада постарались уйти в сторону от развернутых прогнозов будущего мирового развития. Исследование представляется как «скорее описание тех факторов, которые способны определить грядущие события». Однако выделение этих факторов уже само по себе предполагает определенные прогнозные оценки. Будучи встроены в модели рискованных ситуаций, эти оценки фактически решают задачу определения необходимых объектов прогнозов по параметру глобальных и региональных рисков. В соответствии с содержанием и выводами четырех рискованных сценариев выделяются три таких объекта, имеющих явное отношение к состоянию глобального перехода: 1) изменения в иерархии международной политической системы под воздействием новых международных игроков; 2) ресурсная база международного развития и ее возможное сокращение; 3) динамика региональных конфликтов и ее региональные параметры; 4) траектории развития и будущее состояние международной системы. Нетрудно заметить, что все эти объекты имеют прямое отношение к проблемам управляемости и регулируемости мировых процессов, связывают сценарный подход к рискам с прогнозированием возможных кризисов на глобальном и региональном уровнях.

Прогностическая составляющая исследования также имеет ясно выраженную стратегическую направленность, международно-политическое целеполагание. Выделяются политические (стратегические) риски – выбор ключевыми мировыми игроками, и прежде всего США, той или иной линии поведения в ситуации развития многополярного мира, в котором США в лучшем случае будут «первыми среди равных» (Там же: 171). В сценарии «Новые игроки» («Мир без Запада») обращается внимание на то, что отставание в экономическом росте стран Запада потребует от Соединенных Штатов и Европы принятия протекционистских мер против быстро растущих и усиливающих свое влияние государств. В сценарии «Дефицит посреди изобилия» подчеркивается опасность привычного и доминирующего стиля мышления и стратегических решений, в котором приоритетом является принцип «рост – прежде всего»; попытки решать проблемы окружающей среды в национальных рамках оцениваются как кратковременные и неадекватные.

В сценарии «Растущий конфликтный потенциал» («Разрушение БРИК») отмечается, что политика и стратегия энергетического соперничества в мире, охваченном конкуренцией за ресурсы, является «игрой с нулевой суммой» и может лишь усилить подъем националистических настроений в разных странах. Модель «Многополярность без мультилатерализма» концентрирует внимание на снижении значимости и власти национальных правительств в условиях все более децентрализованного мира как главной предпосылке реализации данного сценария и, следовательно, на размывании традиционной моноцентрической системы принятия ключевых политических решений, растущем внедрении в эту систему диаспор, профсоюзов, НПО, этнических групп, религиозных групп и других объединений.

Усиление стратегической составляющей в сценарном моделировании мировых рисков после кризиса 2008–2009 гг.

Тема рискованных событий привлекла внимание организаторов проекта «Global Trends» в начале 2000-х гг., в период сравнительно стабильного существования «однополярной иерархии» государств, когда многим в США и за их пределами казалось, что Вашингтон действительно способен превратиться в бесспорного глобального лидера, способного обеспечить необходимую управляемость глобальной международной системы. Эти ожидания в известной степени отразились и на содержании доклада «Global Trends 2025». О рисках поворотных изменений (game-changers) в докладе говорилось скорее как о возможной проблемной ситуации ближайших пятнадцати-двадцати лет, грядущих геополитических перемен. Но к моменту выхода в свет четвертого выпуска доклада переломные события начали происходить с пугающей и непредсказуемой быстротой. Новый выпуск доклада увидел свет в ноябре 2008 г., в начале мирового финансово-экономического кризиса (падение фондовых рынков в августе – октябре 2008 г.). Быстрый рост валового внутреннего продукта в предкризисный период 2003–2006 гг. в странах развивающегося мира, особенно в Восточно-Азиатском и Тихоокеанском регионах и Южной Азии, в меньшей степени – в Восточной Европе, Центральной Азии, Африке к югу от Сахары и Латинской Америке, позволял надеяться не только на быстрое за-

вершение кризиса, но и на снижение неопределенности мирового развития. Предполагалось, что перспективы этого развития станут более ясными и понятными в результате смягчения неравенства различных стран и регионов мира, укрепления позиций новых мировых держав, способных укрепить механизмы глобального регулирования и контроля, упрочения роли стабильных и эффективных государств, обладающих высоким уровнем управляемости и необходимыми для этого предпосылками (легитимная государственная власть, широкое участие государства в экономическом развитии и международных делах, регулирование политических конфликтов и т. д.). Однако эти ожидания не оправдались. Появились признаки быстрого и неконтролируемого снижения порога устойчивости международной системы по отношению к глобальной экономической и политической среде: рассогласованность развития мировых макрорегиональных экономик и политики крупнейших развитых и развивающихся стран; несбалансированность интересов и «хаотичная анархия» в поведении ведущих международных игроков (во многом под влиянием мировой политики США); быстрый подъем новых структур управления, основанных на трансграничных сетевых взаимодействиях, и в связи с этим беспрецедентное давление социальных сетей на государственную власть (практически независимо от степени ее эффективности).

Спад, вызванный кризисом 2008–2009 гг., только обострил экономические, финансовые, демографические проблемы развитых стран и поднял до критического уровня зависимость мировой экономики от мировой ресурсной базы. Впервые за последние десятилетия мировое сообщество столкнулось с кризисом управления не только в «падающих», но и во многих «эффективных» государствах, с быстрым расширением мировой зоны нестабильности и увеличением риска крупных региональных конфликтов, способных уже сейчас взорвать хрупкую систему международной безопасности. В полную силу быстрое снижение порога устойчивости мировых процессов проявилось после начала масштабного политического кризиса в ряде ведущих арабских стран. Арабский кризис не только подорвал механизмы эффективной государственной власти и безопасности в таких еще недавно стабильных странах, как Египет, Тунис, Сирия, но и создал угрозу распространения ситуации неуправляемости на сопредельные страны и регионы Азии и Афри-

ки. Под влиянием этих тенденций уже сейчас встает вопрос о действительном наличии (сохранности) старой системы международных отношений, не только появлении, но и развитии на наших глазах совершенно новых, альтернативных форм мирового порядка, рисков уже по динамике своего нынешнего распространения, а не только в силу «вероятности переломов, встрясок и неожиданных поворотов» в будущем.

Резко расширилась сфера политических рисков. В процессе принятия политических решений, даже если они принимаются в рамках стабильных и эффективных государственных институтов, уже постоянно приходится принимать в расчет глобальные факторы неблагоприятного развития событий, политической нестабильности и кризисов. В качестве таких факторов выступают: все более активное участие социальных сетей в формировании политической повестки дня; увеличение разрыва между возможностями государственного и многостороннего контроля над незаконными видами деятельности, незаконными сетями и технологическими возможностями развития таких сетей; новые (сетевые) возможности мобилизации оппозиции, преобразования размытых ожиданий масс в конкретные политические программы и требования; нерегулируемая децентрализация государственного управления под влиянием роста мегаполисов и городских агломераций, вовлеченных в глобальные информационные, финансовые и миграционные потоки; падение реального значения международных обязательств.

В новой глобальной среде еще недавно казавшиеся бесспорными показатели эффективной власти – контролируемость экономических, политических и информационных процессов, ограничительные рамки пространства национальной и международной безопасности – становятся размытыми, утрачивающими стабильный, обязательный и предсказуемый характер. Произошедшую девальвацию в глобальном финансовом и информационном пространстве самого понятия безопасности точно описывает О. В. Зегонов: «Также как и с финансовыми потоками, в информационной сфере понятие безопасности теряет смысл, если понимать его как защиту с ограничительными и запретительными задачами. Запретить финансовые потоки нельзя, ограничить – значит навредить. Даже контролировать – задача не из легких, потому что предполагает достаточно ясные и функциональные разграничения, прозрачную шкалу

приоритетов. С информационными потоками – еще сложнее, так как они не имеют общепринятого и понятного для подсчета выражения. Единица информации – не то же самое, что платежная единица, да и траектория информпотоков может быть сложнее, чем путь даже самого запутанного банковского перевода»; и в то же самое время «политика, информация и деньги завязаны в один узел на международном информационном рынке, созданном во многом усилиями самого медиа-сообщества» (Зегонов 2008: 177–178).

Факт все более тесного переплетения трендов и рисков мирового развития нашел отражение в выпуске доклада «Global Trends 2030». Собственно, признание этого факта и отличает новый прогноз от его предыдущих выпусков. Ставшее очевидным после кризиса 2008 г. пороговое состояние международной системы явно усилило значение стратегической составляющей проекта. В качестве его главной установки, ключевого приоритета теперь называется «формирование основных представлений о будущем», выдвигается задача «стимулировать стратегическое мышление, выявляя важные тенденции и потенциальные угрозы» (Global... 2012: 3). Эта установка приобретает ясное целеполагание стратегического управления мировыми рисками: «Наша цель – побудить тех, кто принимает решения, вне зависимости от их принадлежности к правительствам или политическим партиям, продумывать планирование на долгосрочную перспективу так, чтобы избежать риска неблагоприятного варианта будущего, чтобы увеличить шансы позитивного развития событий» (*Ibid.*).

Стратегическая установка проекта еще более тесно увязывается с информационно-коммуникационной составляющей проекта – созданием на его основе тематической сети для обсуждения альтернатив будущего. Ставятся задачи: расширить взаимодействие с экспертным сообществом, представить максимально широкий спектр коллективных исследований (разнообразие точек зрения только обогащает такую работу), расширить освещение революционных технологий. Помимо привлечения широкого круга американских экспертов, работающих за пределами Вашингтона (в университетах Индианы, Техаса, Калифорнии, Нью-Мехико, Пенсильвании, Массачусетса, Колорадо, Теннесси, Нью-Йорка и Нью-Джерси), проведены обсуждения первичного варианта доклада почти в 20 странах, ряд таких встреч был организован по инициативе пра-

вительств, представителей деловых кругов, университетов или научно-исследовательских центров. Как отмечается в предисловии к выпуску, одним из положительных результатов этой четырехлетней работы стал повсеместно растущий интерес к глобальным тенденциям, включая разработку другими участниками собственных проектов, «которые мы всячески поддерживаем».

В основу оценок состояния революционных технологий и их роли в глобальной трансформации мира легли исследования ученых из лабораторий американского Министерства энергетики, НАСА и сотрудников научных центров в Силиконовой долине и Санта-Фе. Также был организован общественный блог исследования, в блоге размещались сообщения и комментарии экспертов по ключевым проблемам выпуска доклада. Блог содержит 140 публикаций с более чем 200 комментариями, которые просмотрели читатели из 167 стран.

Тематическое поле доклада «Global Trends 2030» осталось практически тем же, что и в докладе «Global Trends 2025». Учитывается возможность непредсказуемых поворотов, наступления неожиданных и переломных изменений в мировом развитии. Снова даются экспертные оценки угроз и рисков глобального перехода, которые ожидают мир в перспективе ближайших десятилетий. Определяются рискованные сценарии мирового развития, позволяющие лучше понять вероятные результаты разворачивающихся уже сегодня глобальных процессов и тенденций. Однако серьезно меняется смысловой контекст этой тематики, ее аналитические задачи и ключевые проблемы.

По сравнению с предыдущими выпусками исследования значительно большее внимание уделено факторам управляемости и регулируемости международной системы. К «ключевым аспектам» нового выпуска отнесены: 1) «большой акцент на роли США в международных отношениях» (вместо общего тезиса о доминирующем положении США в предыдущих выпусках – опрос экспертов: «Как другие державы будут реагировать на снижение или повторное решительное утверждение влияния США?»); 2) «четкое понимание центральных звеньев международной системы» (изучение динамики управления и исследование сложных взаимоотношений между различными группами акторов); 3) «более точное определение времени и скорости» уровня реальных изменений; 4) «более

глубокое осмысление кризисов и вызовов» – лучшее понимание взаимоотношений тенденций, вызовов и кризисов; 5) «большее внимание идеологии (предлагается оценивать «небольшие политико-психосоциальные сдвиги, которые зачастую не находятся под опекой идеологии, но определяют стиль поведения»); 6) оценка вторичных и третичных последствий переломных изменений для того, «чтобы понять динамику отношений международных акторов в наиболее сложные переломные моменты» (Global... 2012: 5).

Наиболее характерная черта доклада 2012 г., отличающая его от предыдущих исследовательских отчетов, – приоритетное внимание к общему состоянию международной системы, критическим переходам в этом состоянии, которые, как полагают эксперты, радикально изменят мир к 2025–2030-м гг. Нынешнее состояние системы оценивается исследователями как неравновесное, определяемое пересечением сразу нескольких векторов мирового развития, ни один из которых не может считаться доминирующим. Система к настоящему времени уже утратила свойства только одного стационарного состояния и быстро удаляется от него – таков главный итог обсуждения первых вариантов доклада. «Многие эксперты полагают, – так определяется эта позиция в окончательном варианте доклада, – что резкие исторические изменения уже происходят, в чем поддерживают наши выводы о том, что быстрые изменения значительно усложняют попытки прогнозировать будущее международной системы к 2030 г. Один из специалистов прокомментировал это так: “старое уже ушло, но новое еще не наступило”. Многие обеспокоены “будущей хаотичностью мировой системы, которая больше не сможет основываться на правилах, но будет основана на интересах”» (*Ibid.*). Однако есть и большие сомнения в возможности полной потери управляемости системы: «...многие видят и сохранность системы. ...Международные отношения станут более полицентричными, сохранив при этом ту же иерархию влияния» (Global... 2012: 5).

Внимание к общему состоянию системы определило и структуру всего исследования, его смысловой контекст, соотношение прогнозирования мирового развития (на основе качественных оценок экспертов) и собственно рискованного подхода к траекториям и вариантам дальнейшей эволюции международной системы. В прогнозной части выпуска (глава 1) выделяются главные векторы («мега-

тенденции») мирового развития, которые, как полагают авторы окончательной версии доклада, «окончательно сформируют наш мир в 2030 г.». Выделяются четыре «мегатенденции»: 1) «расширение прав и возможностей человека (уменьшение числа самых бедных и отверженных членов общества при соответствующем росте мирового среднего класса, повышение мирового уровня образования и медицинских услуг, увеличение влияния гражданского общества как наиболее важная мегатенденция, так как она одновременно является причиной и следствием практически всех остальных мегатенденций...»); 2) «распределение (распыление) влияния» (исчезновение державы-гегемона, сдвиг мощи и влияния – по росту ВВП, по численности населения, по расходам на оборону и технологическим инвестициям, от Северной Америки и Европы вместе взятых к странам Азии), «фундаментальный сдвиг в самой природе власти» – смещение власти «в сторону многомерных и аморфных сетей, которые станут влиять на действия государств и мирового сообщества»); 3) изменение мировой демографической ситуации (старение населения как структурный сдвиг, характерный для Запада и для наиболее быстро развивающихся стран, «уменьшение количества молодых сообществ и государств», рост миграций населения и превращение миграционных процессов в острую проблему международного сотрудничества, структурный сдвиг в динамике и процессах урбанизации – он «способствует экономическому росту, но создает проблемы с продовольственными и водными ресурсами»); 4) «растущая нехватка продуктов питания, воды и энергоресурсов» при ухудшении перспективы доступности этих жизненно важных ресурсов в результате изменений климата – увеличения количества осадков в зонах влажности и дальнейшего падения уровня осадков в районах с сухим климатом (Global... 2012: II–IV, 6–37).

«Эти тенденции, – подчеркивают составители доклада, – существуют и сегодня, однако в ближайшие 15–20 лет они будут углубляться и взаимодействовать, что приведет к формированию качественно иного мира. Например, сотни миллионов новых представителей среднего класса во всех регионах планеты станут “гражданами мира”, что положительно повлияет на глобальную экономику и мировую политику. Аналогичным образом отсутствие прогресса в управлении и технологиях, растущая нехватка ресурсов могут ог-

раничить дальнейшее развитие, вызывая неполадки в механизме глобального роста» (Global... 2012: 6). Обращается внимание на присущие всем этим тенденциям и их динамике свойства критических переходов, обусловленные состоянием глобальной среды мирового развития. «Базой... мегатенденций являются структурные сдвиги – критические изменения ключевых характеристик окружающей среды, которые влияют на то, как “работает” мир» (*Ibid.*: III).

Рисковый подход «вступает в дело» в следующей части исследования – в оценке мировых изменений, которые могут быть вызваны указанными тенденциями, и определении сценариев этих изменений. К сфере рисков глобального и регионального масштабов отнесены несколько поворотных факторов, которые, взаимодействуя с глобальными мегатенденциями, способны радикально изменить состояние мира, усилить нелинейность процессов и тенденций его развития. По мнению авторов заключительной версии доклада, шесть факторов несут в себе наиболее вероятные риски переломных мировых изменений:

1) *подверженная кризисам мировая экономика* («значительная разница в скоростях развития» различных региональных и национальных экономик обостряет мировые дисбалансы и создает значительные помехи в деятельности правительств и международных структур); относительный спад экономической мощи США – по мнению некоторых экспертов, это напоминает ослабление экономического доминирования одного игрока – Британии – в конце XIX в.; небольшая вероятность возвращения к темпам мирового экономического роста до 2008 г. и к модели быстрой глобализации; вероятность возникновения еще одного мирового экономического кризиса при отсутствии демографического «бонуса» в виде достаточно молодого основного населения, который обеспечил послевоенный экономический бум; возможность замедления роста экономики Китая, что усилит риск снижения подушевых доходов и отставания Китая по этому показателю от уровня продвинутых мировых экономик;

2) *«угрозы управления»*, обусловленные увеличением числа игроков, необходимых для решения транснациональных проблем; отсутствием консенсуса между состоявшимися и восходящими государствами; усилением социальной дифференциации обществ из-за хронического дефицита ресурсов; кризисом и образованием новых

структур власти под влиянием быстрых социальных и политических изменений; возможностями любого вмешательства в развитие глобальных событий при помощи информационных технологий (отмечается способность ИТ мгновенно реагировать на любые вызовы, организовывать массы вне географических границ, обеспечивать возможность любого вмешательства в развитие глобальных событий);

3) *«потенциал нарастания конфликтов»* – внутригосударственных (прежде всего в странах с политически диссонирующим молодым этническим меньшинством – Турция, Ливан, Южный Таиланд, – а также в странах, ощущающих острую нехватку природных ресурсов и диспропорции в возрастной структуре населения) и межгосударственных в результате снижения способности (или желания) США играть роль хранителя системы и гаранта мирового порядка, появления новых ключевых игроков (Китай, Индия или Россия), увеличения разногласий по запасам ресурсов и более широкого доступа к «инструментам войны»;

4) *расширение границ региональной нестабильности* (вероятность быстрого распространения региональной нестабильности, особенно на Ближнем Востоке и в Южной Азии, на другие районы и превращения региональных кризисов и конфликтов в угрозу глобальной безопасности мира);

5) *«влияние новых технологий»* – информационных, упрощающих глобальное распространение киберуслуг и социальных медиа, способных поставить весьма серьезные задачи для государственных институтов и гражданского общества, технологий производства и автоматизации, которые, с одной стороны, могут повысить эффективность труда в развивающихся странах, а с другой – резко сократить потребность в низко- и среднеквалифицированных кадрах в развитых экономиках, технологий производства и безопасности жизненно важных ресурсов, которые будут необходимы для удовлетворения потребностей мирового населения в продуктах питания, воде и энергии, медицинских технологиях, оказывающих влияние на увеличение средней продолжительности жизни, сохранение физического и психического здоровья, повышение качества жизни (многие инновационные центры, занимающиеся лечением хронических заболеваний, будут размещаться в странах развивающегося мира);

б) *роль США на международной арене* (мировой вес и уровень международного сотрудничества США, роль в международной системе в числе великих держав) (Global... 2012).

Отметим изменения в интерпретации рисков (переломных) моментов по сравнению с выпуском доклада 2008 г., это дает возможность лучше понять и оценить и роль собственно рискового подхода в расширении аналитических задач проекта, осмыслении перспектив глобальных тенденций. Заметно увеличился вес рисковых факторов в экспертных оценках и структуре исследования. (При том что проблема рисков не охватывает все тематическое поле исследования, как в докладе 2008 г.) Рисковые факторы приобретают вполне системное значение: в роли «поворотных моментов» выступают не возможные переломные события (хотя значение таких событий не отрицается), а в первую очередь рисковые свойства, элементы, переплетения векторов мирового развития и заложенного в них потенциала критических переходов. (Риски определяются как «переменные составляющие» мегатенденций.) Переломные факторы начинают выступать в «управляющем» качестве: они однозначно приравниваются к факторам изменения правил игры, подчеркивается их «потенциальное воздействие на ситуацию (мировую) в целом» (Global... 2008: 40). Более четким и целенаправленным (с точки зрения задач стратегического анализа) становится также разделение абстрактных оценок потерявшей устойчивость международной системы и конкретных тенденций перехода, важных для понимания веса и значения в этой ситуации конкретных мировых игроков. Например, отмечается недостаточная конкретность и потому небольшая операционная значимость вопроса «какую роль будут играть США в течение следующих 15–20 лет», «а будут ли США способны работать с новыми партнерами в перестройке международной системы – один из наиболее важных вопросов» (Global... 2012: X).

Но по-настоящему новая роль глобальных рисков (в их взаимодействии с перечисленными выше глобальными векторами) выделяется и обосновывается в заключительной части доклада, посвященной вариантам (сценариям) «потенциального будущего» (глава 3 «Альтернативные миры»). Задача сценариев (одновременно познавательная и стратегическая) – представить те развилки мирового развития, состояния мира как целого, к которым, скорее всего,

приведет реализация переломных факторов – рисков нелинейных изменений. Сценарии представлены не как прогнозируемые варианты будущего, а как ключевые точки его разных качественных состояний, представляющих отдельные пути мирового развития к 2030 г. («архетипы будущего», воплощаемые «альтернативными мирами»). Каждый «мир» (его сценарная модель) получает метафорическое определение, призванное подчеркнуть нелинейность результатов глобального перехода, масштаб и альтернативность тех изменений, к которым может привести действие системных факторов риска. По условиям первого сценария («Заглохшие двигатели») США и Европа теряют и возможность, и заинтересованность в сохранении позиций мирового лидерства («уходят в себя»), глобализация как один из главных элементов нынешних процессов и тенденций мирового развития останавливается. Согласно второму сценарию («Интеграция»), угроза распространения конфликта в Южной Азии приводит к согласованным действиям США и Китая по прекращению конфронтации. Постепенно определяются и расширяются сферы сотрудничества, где обе страны должны действовать совместно, а это приводит в конечном итоге к радикальным изменениям двусторонних американо-китайских отношений, а также к более широкому международному сотрудничеству по глобальным проблемам, восстановлению организованной международной системы и возобновлению мирового экономического роста. Третий сценарий («Джинн из бутылки») описывает мир, в котором доминирует неравенство внутри государств, а также между богатыми и бедными странами: по мере роста мирового ВВП мир становится богаче, но менее счастливым, так как различие между имущими и неимущими становится удручающим и все более постоянным. В рискованной логике этого сценария Евросоюз раскалывается, и его международное значение резко снижается, США остаются главным, «превосходящим центром влияния», значение и подъем которого обеспечивается новой энергетической революцией, технологическими новациями, эффективной налоговой политикой и относительной слабостью потенциальных конкурентов, но США уже не пытаются играть роль мирового полицейского и ведут политику невмешательства в мировые дела. По четвертому сценарию («Мир без государства») ключевые (лидерские) позиции в решении проблем мирового развития переходят к широкому спектру

негосударственных акторов: неправительственным организациям, транснациональным компаниям, учебным учреждениям, а также к наднациональным сетевым структурам, например мегаполисам. Страны не исчезают, но их правительства все чаще видят свою роль в организации и руководстве «гибридными» коалициями государственных и негосударственных субъектов, на которые можно переложить решение определенных задач. Это «лоскутный и неравномерный мир», в котором преимущество получает тот, кто добивается успеха в управлении глобальными процессами, однако «институты глобального управления, неприспособленные к растущему перераспределению влияния», не могут рассчитывать на такой успех.

Хорошо видна стратегическая составляющая сценариев. «Альтернативные миры» конструируются и оцениваются («взвешиваются») в контексте задач и условий стратегического планирования. Во-первых, явно в контексте стратегического планирования оцениваются критические точки, переломные моменты, которые способны в короткий срок изменить в ту или иную сторону состояние системы. Каждый сценарий содержит схему-объяснение: как «изменения правил игры» формируют данный сценарий. Во-вторых, все сценарии очерчивают – ясно и определенно – коридор возможностей действий различных мировых игроков (и, конечно, США) при том или ином состоянии системы. Таким образом, в плане практической политики открывается возможность для формирования долгосрочных стратегических планов, сравнения с этими планами текущих результатов внутренней и внешней политики, следовательно, может быть снижен риск несоответствия между стратегией и текущими результатами политических действий. В-третьих, оцениваются опорные точки управления и контроля в экономической и политической структуре каждого из миров, которые позволят добиваться больших или меньших преимуществ в управлении мировыми процессами, в конкурентной борьбе множества игроков. В-четвертых, сценарии ранжируются по степени заключенных в них стратегических преимуществ и угроз, вероятности этих угроз для США и Европы, потенциальных возможностей блокирования таких угроз. Наихудшим и вместе с тем самым правдоподобным признается сценарий «Заглохшие двигатели», а наилучшим, но весьма условным (необходимость «сильного политического лидер-

ства), – сценарий «Интеграция». Можно отметить и развивающее значение сценариев – аналитический потенциал развития стратегического мышления. По существу, развивается новый тип стратегического мышления, адаптированный к ситуациям критических переходов, переломов в глобальных тенденциях, тип стратегического управления как опережения таких переломов, сведения к минимуму заключенных в нем неожиданностей и соответственно потерь, падений, ослабления стратегических позиций.

Таким образом, после 2008 г. тема управления рисками мирового развития вышла на первый план в докладах «Глобальные тенденции», подготавливаемых Национальным советом по разведке США. В контексте современных приоритетов стратегического планирования, управления и контроля фокусирование внимания на задаче снижения глобальной неопределенности нельзя считать чем-то исключительным. Тема управления рисками отражает общий интерес мирового научно-экспертного сообщества, кадров делового и социально-политического управления к проблеме социально-политических нестабильностей, системных транснациональных кризисов и конфликтов.

После кризиса 2008–2009 гг. тема глобальной нестабильности прочно вошла в проблематику ведущих международных организаций. Уже в 1980-е гг. эти организации во главе с ООН начали отходить от идеи (стратегии) бесконечного экономического роста мира и ориентироваться на стратегию контроля и сдерживания дестабилизирующих процессов мирового развития (появление концепции устойчивого развития). Как особое направление мировой политики эта тенденция раньше всего проявилась в переходе ООН и других международных организаций к проведению специальной политики управления социально-экономическим неравенством стран мира с целью «удерживать проблемы беднейших стран в определенных рамках, контролировать уровень неравенства и сдерживать тем самым негативные тенденции, опасные для “стеклянного дома”, на который стал похож глобализирующийся мир» (Попова и др. 2010: 91). После достаточно неожиданного мирового экономического обвала 2008–2009 гг. первоочередное, экстренное значение приобрела политика преодоления последствий кризиса и стабилизации положения в глобальной экономике и на мировых фондовых рынках.

Осмысление причин и последствий кризиса 2008–2009 гг. дало толчок формированию антикризисной стратегии Международного валютного фонда, в центре ее внимания – управление рисками мирового экономического развития. Об этом говорят материалы отчетов МВФ за 2009–2012 гг. В отчетах 2009–2011 гг. приоритеты этой стратегии ограничивались предупреждением дальнейшей дестабилизации мировой финансово-экономической ситуации – восстановление глобальной финансовой стабильности, содействие сбалансированному подъему мировой экономики, помощь конкретным странам и т. д. (Международный валютный фонд, годовые отчеты за 2009, 2010, 2011 гг.). В отчете 2012 г. в числе приоритетов антикризисной стратегии фонда названы «оценка риска и управление им» (Международный... 2012: 38). В ноябре 2011 г. Исполнительный совет фонда обсудил доклад о факторе уязвимости и задачах политики, стоящих перед странами с низкими доходами в условиях неопределенности. В докладе отмечено, что риски снижения темпов роста мировой экономики усилились в то время, когда возможности многих стран с низкими доходами для смягчения потрясений еще не восстановлены. В плане действий директора-распорядителя МВФ для снижения рисков рекомендовалось «ввести многостороннюю согласованность в анализ внешней стабильности при помощи нового доклада, в котором будут рассматриваться факторы, вызывающие дисбалансы и некоторые из соответствующих рисков для внешней стабильности», была признана необходимость регулирования рисков с целью обеспечить стабильный рост мировой экономики и предупредить «шоки цен на биржевые товары» (Там же: 36–37).

К ежегодным встречам представителей мировой экономической и политической элиты в Давосе (Мировой экономический форум) подготавливаются аналитические доклады, посвященные глобальным рискам, их структуре и динамике, возможностям управления рисковыми ситуациями. Доклады основываются на данных и экспертных оценках видных представителей деловых кругов и авторитетных специалистов и в области управления экономическими и финансовыми рисками. Вероятность рисков и тяжесть их возможных последствий в этих докладах оцениваются по 5-балльной шкале, в соответствии с мнениями экспертов. Первый доклад был подготовлен к встрече в Давосе в 2005 г. В докладе «Глобальные риски

2008», подготовленном к встрече 2009 г., на основе мнений 100 экспертов наивысшую оценку получил риск системного финансового кризиса: вероятность обвала цен на недвижимость и другие активы в США, Великобритании и Европе – 4,5 балла (ущерб от такого развития событий оценен в 5 баллов); более низкие места в иерархии глобальных рисков заняли нехватка и подорожание энергоносителей (4 балла), дефицит и подорожание продовольствия (3 балла) (Global... 2008: 20–25).

В последующих выпусках доклада прогноз вероятности и последствий глобальных кризисных явлений стал непосредственно увязываться с оценкой состояния мировой экономики и мировых финансовых рынков, соответственно и анализ рисков стал приобретать более системный и стратегический характер. В докладе 2011 г., явно под влиянием последствий кризиса 2008–2009 гг., вопросы стратегического управления глобальными рисками приобрели главенствующее значение. Системные параметры охватывают выделенные в докладе три ключевые группы рисков и их главные факторы: 1) макроэкономические риски, обусловившие глобальный финансовый кризис и связанные с долгосрочными структурными недостатками мировой экономики (факторы: макроэкономические дисбалансы, налогово-бюджетные кризисы в странах с развитой экономикой, огромные необеспеченные социальные обязательства и слабые финансовые рынки); 2) криминальные риски развития теневой экономики (факторы: все большее число неэффективных и уязвимых государств, растущие масштабы незаконной торговли, организованной преступности и коррупции); 3) ресурсные ограничения глобального экономического роста, определяемые прежде всего нехваткой воды, продовольствия и энергии (факторы: рост численности населения и потребления, изменения климата). Основной вывод доклада имеет очевидную стратегическую направленность: финансово-экономический кризис исчерпал возможности мировой экономики для борьбы с потрясениями, частота возникновения и серьезность рисков для глобальной стабильности повысились, а возможности систем глобального управления, позволяющие бороться с ними, – нет. В комментарии к докладу Р. Гринхилл, управляющий директор форума, также привлек внимание прежде всего к стратегической компоненте глобальных рисков – отсутствию адекватной системы управления этими рисками: «Системы

XX века не способны управлять рисками XXI века. Нам необходимы новые сетевые системы для выявления и устранения глобальных рисков до того, как они перерастут в глобальные кризисы. В частности, экономическое неравенство и сбои глобального управления определяют эволюцию многих других глобальных рисков и подавляют нашу способность реагировать на них. Взаимосвязанность и сложность проблем означает появление множества непредвиденных последствий, и традиционные механизмы реагирования на риски часто просто перекалывают риск на другие заинтересованные стороны или сегменты общества».

С начала 2000-х гг. проблема стратегического управления рисками, прогноза и предупреждения разного рода кризисных явлений активно разрабатывается в российской науке, во-первых, как направление междисциплинарных и системных научных исследований, тесно связанное с задачами и методами прогноза развития неустойчивых систем, и, во вторых, потенциально – как одна из главных, перспективных сфер управленческой деятельности в современной России. Проблематика управления рисками целенаправленно разрабатывается в Институте проблем управления РАН и Институте прикладной математики РАН. Уже в самом начале 2000-х гг. появился ряд исследований, в которых концептуально – с позиций междисциплинарного подхода и нелинейной динамики – определен круг соответствующих проблем и их важность в контексте кризисных явлений и катастроф, с которыми человечество столкнулось на рубеже XX–XXI вв. (Владимиров и др. 2000; Катастрофы... 2000; Воробьев и др. 2000; Малинецкий, Курдюмов 2001; Турчин 2008). В 2002 г. ряд ведущих специалистов опубликовали статью, в которой обосновывается подход к управлению рисками как к задаче повышения управляемости российского общества и его устойчивости по отношению к природным и техногенным бедствиям и катастрофам (Малинецкий и др. 2002). В статье излагаются «две основополагающие концепции», которые, по мнению авторов, адекватны «новой ситуации и тем проблемам, с которыми сейчас столкнулась Россия»: концепция прогноза и предупреждения кризисных явлений – «описания, прогноза и предупреждения кризисов различных видов» как необходимый этап «для вывода страны из системного кризиса» и концепция организации системы научного мониторинга для решения задач управления стратегическими

рисками, прогноза и предупреждения кризисных явлений. Особо отмечается (в 2002 г.), что «проблема организации научного мониторинга, стратегического управления рисками, прогноза и предупреждения кризисных явлений может стать сверхзадачей для всей Академии наук. По масштабу и важности для страны она сравнима с разработкой стратегических вооружений и космическими программами СССР и США, от которых зависело будущее этих стран» (Малинецкий и др. 2002: 4).

В контексте задач стратегического управления необходима более четкая картина кризисных явлений как источников неопределенности и рисков развития. Как «наиболее тяжелый» в статье выделяется «системный кризис, в котором оказалась Россия и все мировое сообщество». «Этот кризис охватывает различные сферы жизни общества, и выйти из него нельзя, принимая лишь отдельные меры, либо проводя реформы только в одной конкретной области», «у всей системы теряются главные цели, сверхзадачи, являвшиеся ранее системообразующими, отдельные части системы начинают решать свои проблемы в ущерб целому; нестабильности, имеющиеся в различных системах, взаимно усиливают друг друга, что может приводить к катастрофическим событиям; в ситуации системного кризиса общественные механизмы, институты, стабилизаторы могут выступать в парадоксальном качестве и приводить к эффектам, противоположным ожидаемым для нормальных ситуаций – ухудшать, а не улучшать положение дел»; «выход из кризиса требует иного уровня мониторинга, иных механизмов управления, иных социальных технологий» (Там же: 5). В качестве новых задач управления рисками ставятся: для области прогноза и предупреждения кризисных явлений – анализ «возможных неблагоприятных событий (в том числе аварий и катастроф) в широком системном контексте, как «спусковых крючков» кризисов различного типа; для области научного мониторинга – «организация, концентрация и анализ необходимых информационных потоков в рамках «мониторинга общенационального характера» (Там же: 23, 27). Одним из результатов развития стратегического управления рисками «должен стать выбор стратегии обеспечения безопасности страны в широком понимании этого слова, опирающейся на научную основу, объективную оценку потенциала России», в то же время «отказ от ответа на осознанный обществом вызов или затя-

гивание ответа обычно само по себе является фактором риска» (Малинецкий и др. 2002: 27).

Определяются также ключевые объекты стратегического управления рисками. К его главным объектам, имеющим наибольшее значение для поддержания нормальной жизнедеятельности общества, отнесены, во-первых, «комплексные риски, включающие разнородные факторы, действующие на разных временах и масштабах», и, во-вторых, собственно стратегические риски, которые связаны с принятием кардинальных решений в системе управления обществом» (Там же: 6).

Итак, в практике стратегического анализа и планирования управление глобальными и страновыми рисками начинает выделяться в самостоятельное направление научно-экспертных разработок. Данное направление тесно связано с общей проблематикой системных кризисов современного мира и снижения до критического уровня управляемости международных процессов. Изыскиваются возможности уменьшения глобальной неопределенности за счет моделирования неожиданно возникающих негативных явлений и процессов, прогнозирования их возможных результатов, включения этих моделей и прогнозов в практику международных организаций. Моделированию рискованных ситуаций начинает отводиться важное место и в анализе состояния региональных систем международных отношений, прежде всего в связи с проблемами региональной безопасности, рисками процессов и тенденций регионального развития (Звягельская, Наумкин 1999: 429–450; Бордачев 2008: 362–383; Суздальцев 2008: 384–410; Демиденко 2008: 411–432; Давыдов 2008: 433–445).

Проблема оценки и измерения мировых рисков в международных и мир-системных исследованиях

В международных исследованиях управление мировыми рисками как самостоятельное научное направление только формируется, хотя острота, стратегическое и политическое значение этой проблемы становятся все более очевидными. В традиционной науке о международных отношениях основным предметом остаются направления и результаты внешнеполитических взаимодействий государств, хотя с 60-х гг. XX в. важное значение придается также развитию международной системы как мироцелостности. В предметном поле

нового направления этой науки – мировой политики – акцентируются либо мировые политические процессы (глобализация, интеграция, локализация политики), либо области мировой политики, связанные с глобальными проблемами (безопасность, экология и т. п.) (Лебедева 2008: 4).

Тем не менее есть нечто общее, что объединяет исследования в области международных отношений, определяет их задачи и практическую значимость. При всех различиях в направлениях и тематике этих исследований они основываются на одном незыблемом концепте, принципе приобретения и использования нового знания. Суть этого концепта и принципа заключается в идее существования мирового порядка и вытекающей из него принципиальной возможности управляемости и регулируемости международных отношений. С момента возникновения международной политической науки на рубеже XIX–XX вв. ее главной задачей, основным мотивом получения новых знаний остается снижение роли случайности в развитии международных отношений путем нахождения таких параметров и свойств этих отношений, которые однозначно определяют их развитие, организацию и, таким образом, обеспечивают их достаточную предсказуемость. Смысл развития и функционирования международных отношений понимается как возможное снижение в содержании и структуре этих отношений элементов неупорядоченной анархии, неопределенности, системных рисков. В одних случаях решение этой задачи связывается с высоким уровнем взаимозависимости государств, ограничением национального суверенитета и усилением роли международных институтов (неолиберальная парадигма международных отношений), в других – в соответствии с традициями политического реализма – с объединением государств в более или менее организованные блоки. Однако в любом случае изменения международных отношений мыслятся как возникновение и развитие меж- и надгосударственных объединений, обладающих сложной, контролируемой и рационализированной организацией. В идеале речь идет об «организованном обществе», реальными эквивалентами которого выступают международные сообщества и режимы разного уровня и функционального назначения.

В концепте направленного развития международных отношений большое значение имеет, несомненно, политико-идеологическая

составляющая. Придание международным отношениям контролируемого, предсказуемого характера связывается с мотивами безопасности государств или политических блоков, получения экономической выгоды и увеличения возможностей международного сотрудничества. Ценностную заданность идее направленного и контролируемого мирового развития придают разнообразные идейно-политические проекты, ставящие задачу упорядочения всего мира в соответствии с принципами и нормами желаемого и должного. Однако международная политология придает этой идее дополнительное и важное измерение: направленное мировое развитие повышает значение научного знания, необходимости и актуальности научного прогноза. Данная идея не имела бы того уровня рационального обоснования, не обладала бы теми информационными и дискурсивными возможностями, которыми она располагает сегодня, если бы в этом же направлении не развивался и практически весь научно-теоретический строй международных исследований, не повышался на этой основе уровень определенности научного знания. Уже на начальном уровне своего развития, когда международный анализ ограничивался исключительно интересами и внешнеполитическими действиями обособленных национально-государственных единиц, упор делался на организационно-программный принцип внешнеполитической стратегии и отношений государств. Роль фокуса международных отношений во всем их разнообразии и подвижности взял на себя принцип *real politik* – «интересы национальной безопасности прежде всего». Еще более значимый характер концепту направленного мирового развития придало структурное объяснение поведения государств как результата баланса сил, регулируемого и направляемого сложной совокупностью сдерживающих факторов (теория баланса сил К. Уолтса). Неопределенность (анархия) международных отношений и вытекающие из нее риски хаотических изменений начали сводиться к уровню «непреднамеренных и нежелательных результатов» (Сандерс 1999: 412). Международная политология вошла в русло методологии структурализма, объясняющего поведение социальных субъектов исключительно с точки зрения их места в социальной структуре, но не с точки зрения действий, принятия решений в условиях неопределенности и появления непредсказуемых рисков. Появилась возможность отождествлять (до известной степени) организацию ме-

ждународных отношений с общественным устройством, порядком социальной жизни.

С позиций структурного подхода направленность и контролируемость мирового развития уже могут быть представлены как результат существования отнюдь не анархического порядка распределения власти и влияния в глобальном масштабе – порядка, дестабилизация которого представляет скорее маловероятный или сравнительно легко регулируемый риск. Эта идея получила развернутое обоснование и вошла в международный дискурс, в понятийный аппарат международных исследований после того, как на миропорядок, условия и принципы его организации была распространена теория систем (в ее жестком, объективистском варианте). Системный подход впервые позволил представить международные отношения как целостный и регулируемый объект, выделенный из его внутренней и внешней среды и обладающий качественной определенностью (устойчивым состоянием структуры) и инвариантной основой (государство). Неопределенность и риски мирового развития, как казалось в период широкого распространения системной теории, могут быть снижены до контролируемого, некритического уровня. Под сомнение была поставлена даже деструктивная, дестабилизирующая роль внутренних и внешних войн – за исключением войн между великими державами (Современная... 2009: 105).

Своего логического завершения концепт миропорядка как определенного и сравнительно интегрированного целого получает в глобалистском видении мира и мирового развития. Глобалистский подход отождествляет мир в его наиболее полном и определенном значении с глобальной общностью человечества («мир-человечеством»), которая понимается как сеть разнообразных мировых отношений, результат роста связей и обменов всех видов (Чешков 1999: 30–40; Ерасов 2002: 489). В научно-теоретический строй международных исследований глобалистское мировидение входит в виде концепции мир-системы. Абстрактно сформулированное еще в первой половине XX в. в работах А. Тойнби и К. Ясперса, понятие мир-системы затем приобрело значение научной парадигмы, положившей начало нескольким школам анализа структуры и динамики мирового развития (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Д. Абу-Лугод, А. Г. Франк, С. Ито, А. В. Коротаев и др. [Бродель 1986–1992; Франк 2002; Валлерстайн 2006; Коротаев 2007; Коротаев

и др. 2010; Wallerstein 1974, 1980, 1989; Abu-Lughod 1989; Korotayev 2007]). Для теории международных отношений мир-системная парадигма означает введение в структуру научного знания в качестве ясно определенной концептуальной единицы глобальной политической и экономической истории. Речь идет о выделении и анализе «сквозных мегатрендов, дающих представление о развитии мировой политической системы на значительных по своим масштабам временных промежутках и имеющих принципиально важное значение для понимания механизма ее эволюции» (Лапкин, Пантин 2002: 203). Мировая политическая система в этом случае предстает уже не как совокупность разнородных государственно-политических единиц, объединенной системой отношений, а как самостоятельная единица, которая включает в себя связанные, хотя и неравноправные, части мирового целого – центр и периферию.

Развитие научно-теоретического строя международных исследований, бесспорно, повышает их научно-дисциплинарный статус. Появляется возможность рассматривать содержание и значение международных отношений с позиций роста собственно научного знания, его точности, полноты, верифицируемости, а не только с точки зрения концепта организованного и контролируемого мира, давшего толчок развитию международной политологии. Не меньшее, а, возможно, даже большее значение в этом контексте имело и имеет развитие методологии изучения структуры и динамики мирового развития. Эмпирическую базу для утверждения и расширения этого направления международных исследований создало быстрое развитие во второй половине XX в. системы международных сопоставлений – измерения процессов и результатов мирового развития с помощью набора различных, но взаимосвязанных количественных показателей и качественных критериев, индексов и индикаторов. Лежащая в основе мировых измерений так называемая система национальных счетов быстро вышла за рамки экономической статистики и с начала 1990-х гг. стала включать в себя также показатели социального, политического и – особо – устойчивого развития стран мира (Капица 2008).

В 1970–1980-е гг. XX в. в политическую методологию стремительно вошел эконометрический подход (структурные уравнения, нелинейные оценки, анализ временных рядов). В изучении миро-

вых политических процессов большое распространение получили качественные методы исследований: исследования с помощью одной ведущей переменной (мировая политическая система) и посредством возможно большего количества переменных. Качественные методы, в свою очередь, дали толчок развитию сравнительной политологии, сблизившей изучение международных и внутренних политических процессов (сравнительный качественный анализ). Развитие сравнительного анализа, делающего акцент в каждом отдельном случае на конфигурации заданных обстоятельств и результата, сократило область неопределенности в понимании тенденций и процессов мирового политического процесса: различий между политическими системами по уровню конфликтности и согласованности политических отношений, универсальности/уникальности западной демократии, традиционного/современного в политическом развитии и т. д. Очевидный успех был достигнут также в прогнозировании трендов и проблем мирового развития, его обусловила начавшаяся на рубеже 1960–1970-х гг. с известных докладов Дж. Форрестера Римскому клубу разработка макромоделей этого развития – моделирование мировой динамики (Форрестер 1978; Коротаев, Малков, Халтурина 2005; 2008; Гринин и др. 2008; Акаев, Садовничий 2010: 5–69; Korotayev 2005). Моделирование мировой динамики сближает и соединяет в единое направление мир-системного анализа собственно международные, макроисторические (глобальная история) и макросоциальные исследования. В 2000-е гг. данное направление получило заметное развитие в российской глобалистике (работы А. А. Акаева, Ю. В. Божевольнова, Л. Е. Гринина, Г. Г. Малинецкого, С. Г. Кирдиной, А. В. Коротаева, И. В. Кузнецова, С. Ю. Малкова, С. А. Махова, В. И. Пантина, Д. А. Халтуриной, С. В. Циреля и др. [Акаев и др. 2011; 2012; Акаев, Коротаев, Малинецкий 2010; 2011; Акаев, Коротаев, Малков 2013; Гринин, Коротаев 2009; 2012; Коротаев, Халтурина 2009; Пантин, Лапкин 2006; Малков и др. 2010; Малков, Кирдина 2010; Малков, Коротаев 2005; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010; Махов 2010; Халтурина, Коротаев 2010]).

На фоне этих несомненных успехов и достижений комплекса международных исследований может показаться, что достигнут не просто прогресс, но качественный сдвиг, перелом в процессе познания природы международных отношений – от знания частично-

го, ограниченного, неполного, приблизительного к знанию глубокому, точному, полному. Создается впечатление, что серьезные усилия в области долгосрочного прогнозирования, создания образа предпочтительного мира создают условия для эффективной корректировки мировых процессов, нейтрализации или снижения рисков критических переходов, глобальных потрясений, системного кризиса миропорядка. В работах по проблемам устойчивого развития стран мира этот вывод, как правило, подразумевается как самоочевидный. «В эпоху глобализации, – открывает свое объемное исследование индикаторов мирового социально-экономического развития Л. М. Капица, – системный характер проблем международного развития проявился со всей очевидностью и, как следствие, потребовал инвентаризации всех международных усилий прошлых лет и переоценки их результатов в свете новых международных условий развития» (Капица 2008: 6). С этих позиций кажется очевидным, что главная проблема «эффективных мер корректировки процессов развития» заключается не в масштабах глобальных рисков и возможностях их искаженной или несвоевременной оценки, а в усилении управляющих воздействий мирового сообщества на «выпадающие» из мирового порядка страны и государства, превращении «порядка государств» в порядок социальный, устанавливающий образцы деятельности институтов, групп и подгрупп, средств социального контроля, социальных ролей и систем ценностей (Щепаньский 1969: 110).

Метафора «инвентаризация средств международного контроля и регулирования» точно передает смысл представлений о мировом развитии как совокупности сложных процессов, которые, тем не менее, в необходимой степени могут быть приведены к более или менее точному знанию – группированию переменных по взаимосвязям их значений (факторный анализ), измерениям показателей, многомерным классификациям стран по этим показателям и т. д. А значит, путем направленных и своевременных усилий они выведены из опасной зоны поворотных событий и неопределенных состояний.

Однако и опыт организации международных отношений, и анализ природы этих отношений свидетельствуют о том, что наши знания мировых процессов на всех уровнях их развития в целом имеют весьма приблизительный характер и не устраняют – в необ-

ходимом объеме – их неопределенности, неконтролируемости и хаотичности. В самой природе организующих эти процессы социальных отношений заложены существенные и, похоже, до конца непреодолимые ограничения на возможность точного прогнозирования хода и рисков мирового развития. К международным отношениям (как и в целом к социальным связям) неприменимо понятие естественно-научного закона – объяснение явлений действительности при помощи строгих причинно-следственных связей, имеющих жестко детерминированный и однозначно линейный характер (следствие идентично или пропорционально причине). В представлении о социологических законах (социальных закономерностях) как действующих по модели жестких причинно-следственных связей нет места для случайности – отдельных (в том числе уникальных) событий, внешних и неустойчивых связей в действительности, неожиданного совмещения (совпадения) независимых процессов или событий. Но в социальной жизни случайность играет огромную и неустранимую роль, с ней связана возможность возникновения неопределенных и рискованных ситуаций даже в условиях организованной и эффективно действующей системы отношений, социальных институтов и политического управления.

В международной жизни с характерным для нее множеством разнообразных и хаотически налагающихся друг на друга событий, неустранимыми взаимосвязями и одновременно важными различиями между внутренней и внешней политиками государств, невозможностью полного контроля над международной сферой и вытекающей отсюда высокой вероятностью столкновений, конфликтов, примирения или продолжения соперничества мировых игроков, фактор случайности во всех его проявлениях имеет еще большее значение, его нельзя не замечать, не пытаться регулировать, вводить в рамки ожидаемого или предсказуемого.

Не представляет большой проблемы для международной науки и тот уровень измерений и анализа, на котором можно было бы учесть фактор случайности, не отказываясь полностью от методов точных измерений и сопоставлений. Решение этой нетривиальной задачи обеспечивает статистический метод оценок и измерений случайных величин, статистика как основа изучения систем с большим числом переменных, проявляющихся случайным, непред-

сказуемым образом. Статистический метод опирается на большое число наблюдений и измерений, в результате которых особенности случайных событий и явлений взаимно погашаются и, таким образом, в обобщенной форме устанавливаются количественно-качественная определенность этих событий и явлений, закономерное наличие в них общих черт, особенностей, направлений изменений, которое «пробивает» себе путь через массу случайностей, уникальных и отклоняющихся событий. Разрозненные массовые явления и события преобразуются в статистическую совокупность – множество (массу) наблюдаемых единиц, объединенных каким-либо общим и закономерным качеством, но варьирующим в его пределах. Закономерность, которая обнаруживается в существовании подобной совокупности (закономерность статистического типа), носит вероятностный, приблизительный характер, не позволяет однозначно предсказать будущие события или будущее состояние явления, но вместе с тем может быть количественно измерена и стать основой сбора упорядоченной и сопоставимой социальной информации.

Статистическое измерение случайных величин играло и продолжает играть существенную роль в определении переменных величин мирового развития: 1) переменных, значения которых не зависят от других характеристик международных и мировых изменений и в процессе организации международных и мировых отношений начинают определять содержание и направление этих изменений (ведущие или независимые переменные); 2) переменных, которые являются функцией ведущих характеристик системы, производными от их значений (зависимые переменные). Методологически это очень важно для эмпирического, информационного подтверждения и доказательства, что международные отношения не развиваются исключительно в области случайности, постоянного и неконтролируемого хаоса (неопределенности), а двигаются – медленно или быстро – в направлении более вероятной их системной организации, социализации по образцу социально-политических систем.

Например, в традиционной теории международных отношений (в основном в рамках ее реалистской парадигмы) ключевое значение придается переменной силы государства (power). Само по себе значение силы как независимой переменной международных от-

ношений не определено, вне заданных и достаточно объективных характеристик силы она превращается в абстрактную категорию, которую можно понимать и оценивать по-разному в зависимости от ситуации, задач и функций силовой политики. О. А. Арин приводит в этой связи показательную выдержку из американского учебного пособия по предмету «Национальная безопасность США»: «Сила есть весьма ситуативная вещь: что может сгенерировать силу в одних обстоятельствах, не может при других. Такие неуловимые вещи, как политическое и техническое мастерство ключевых акторов, национальная воля и солидарность по проблемам, суть проблем, выраженных в вопросах и целях, которых добиваются, т.е. все компоненты силы, могут быть использованы государством при определенных ситуациях» (Арин 2002: 20). Однако система международных статистических сопоставлений позволяет выделить те элементы силы, которые с большой долей вероятности могут быть отнесены к независимым переменным международной системы, к ее главным структурным характеристикам, выявлены и рассчитаны систематическим образом. Значение независимой переменной имеет экономическая сила (мощь) государства, она определяется как экономический вес государства, его экономический потенциал, и измеряется на агрегативном уровне через показатели валового национального и внутреннего продукта. Сопоставление национальных экономик по этим показателям позволяет представить и оценить геоэкономическую структуру мира и уровень ее управляемости. Необходимый уровень управляемости этой структуре придает наличие в ней глобальных или региональных геоэкономических полюсов – субъекта международных экономических отношений, экономический потенциал которых превосходит в несколько раз потенциал располагающихся за ним других государств.

Аналогичным образом независимая переменная политической силы государства на международной арене (в мировой политической системе) выражается через объем совокупного ресурса, выделяемого на реализацию национальных интересов страны, обеспечение ее безопасности, сдерживание других государств. Этот ресурс может быть рассчитан и представлен как совокупный объем расходов государства на внешнеполитическую деятельность, национальную оборону, содействие международному экономическому развитию и т. д. Таким образом, выявляется наиболее вероятная

в данный исторический период геостратегическая структура (однополярная, многополярная, биполярная), выделяются ее главные элементы – центры силы. В качестве ведущей переменной международно-политический ресурс (потенциал) государства позволяет количественно измерять важнейшее стратегическое и одновременно структурное качество субъектов международных отношений – возможность подчинять своим интересам других мировых игроков.

В результате статистических измерений случайные изменения и колебания в содержании не слишком определенного (а скорее неопределенного) понятия национально-государственной силы превращаются в закономерное по характеру и количественно исчисляемое статистическое распределение власти и влияния в мире. Закономерность этого распределения состоит, во-первых, в необходимости соотнесения экономических потенциалов отдельных стран для выделения геоэкономических полюсов, во-вторых, в достижении превосходства собственного международно-политического потенциала над стратегическим потенциалом других международных субъектов – конкурентов в качестве условия превращения субъекта – полюса в реальный центр силы. Хорошо видно, как опирающееся на приблизительные, неточные понятия силы, мощи статистическое измерение их значений придает этим категориям более закономерный и сопоставимый характер структурированных, организованных отношений и взаимосвязей. Соответственно снижается и уровень неопределенности международных отношений и заключенных в ней рисков неожиданных и поворотных событий.

Без развития международной статистики, вне ее информационного поля вряд ли стало бы возможным выделение ведущих переменных мир-системы в разных условиях и на разных этапах ее развития. В отличие от переменных величин силы и влияния отдельных государств, принимаемых за главную характеристику международной (межгосударственной) системы, ведущие переменные мир-системы призваны отразить в первую очередь общие, универсальные закономерности мирового развития. Но сформулированные в чисто категориальной форме (интернационализация, глобализация, регионализация мировых отношений), эти закономерности приобретают значение скорее умозрительных, теоретических конструктов, весьма приблизительно связанных с наличной, эмпирической реальностью.

Появление сводных показателей мирового развития на основе данных государственной и международной статистики, распространение этих показателей на самые разные регионы мира, а затем переход к моделированию мировой динамики с использованием математических моделей и больших массивов эмпирических данных сделали проблему ведущих переменных мир-системы вполне решаемой. В качестве таких переменных теперь ясно выделяются: численность населения мира и абсолютные темпы его роста в определенные исторические периоды; доступные ресурсы; уровень развития жизнеобеспечивающих технологий, обеспеченность мирового населения основными природными ресурсами, генерация и диффузия инноваций. Динамика мирового развития в совокупности этих переменных предстает как динамика развития мир-системы (Акаев, Садовничий 2010: 9–11; Акимов 2009: 190–193; Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Коротаев и др. 2010: 28–32).

Вместе с тем сами по себе статистические методы не могут рассматриваться в качестве исходного, всеобъемлющего и самодостаточного способа снятия неопределенности международных и глобальных отношений, инструмента международного управления и контроля, адекватного проблеме мировых рисков. Эти методы повышают роль собственно измерительной компоненты вероятностного знания, числовых оценок совокупного результата массовых явлений и событий. Но для определения и оценки рисков этого недостаточно. Статистические методы не описывают отдельные переменные, однако оценка каких-либо рисков не может считаться достоверной, если во внимание не принимаются именно отдельные переменные, не учитывается возможность такого поворота событий, при котором управляющие параметры системы выходят из-под контроля и становятся чувствительными к разнообразным хаотическим изменениям внутри системы и в окружающей среде. Статистические ряды данных придают «точный» вид наблюдениям и анализу, однако могут скрывать и воспроизводить значительные ошибки в исходных измерениях по причинам дефектов в работе статистических служб, отсутствия единых требований к данным из различных источников, преувеличения роли отдельных интегральных показателей (например, индикатора ВВП как обобщенной характеристики экономического и социального благополучия стран и эффективности деятельности правительств). В этом случае, по точ-

ному выражению Б. М. Болотина и В. Л. Шейниса, «демонстрируется точность счета, а не точность исходных измерений» (Болотин, Шейнис 1988: 33). Но если данные по каким-либо странам отсутствуют, плохо соотносятся с показателями других стран или выражены в заведомо недостоверных величинах, то это увеличивает условность и рисковый характер международных сопоставлений, а значит, и наших представлений о целостности и предсказуемости мира.

Работа с первичными статистическими данными требует дополнительных и трудоемких усилий по проверке достоверности этих данных, устранению ошибок и отклонений в страновых данных. Необходимы контрольные проверки, реконструкция отсутствующих показателей, уточнения итоговых соотношений между странами и группами стран. Между тем условия и императивы международных взаимодействий и ситуаций таковы, что требуют принятия решений (в том числе стратегического порядка) еще до того, как собрана вся необходимая информация и выработано более или менее полное знание о происходящих событиях и возникающих в связи с ними проблемах. Поэтому, как пишет П. А. Цыганков, ссылаясь на мнение известного французского социолога Р. Арона, всякая деятельность в сфере международных отношений основана не столько на знании закономерностей, сколько на вероятностях, «связанных с непредсказуемостью человеческих решений. Здесь можно только строить предположения о том, какое поведение считать рациональным» (Цыганков 1994: 69).

Главное же (с точки зрения невозможности получения точного, исчерпывающего и всецело достоверного знания о реалиях мирового развития) заключается в неправомерности, невозможности сведения неопределенности международной жизни к факторам и проявлениям случайности – беспорядочному пересечению (совпадению) независимых процессов и событий. Если бы это было так и никак иначе, то формирование и развитие мироцелостности как системы можно было бы и в самом деле свести к закономерностям статистического типа, а их описание – к достаточно простым, но точным математическим моделям. Но сам взгляд на мироцелостность как на жесткую систему, описываемую естественно-научной моделью преобразования хаотической динамики микрочастиц в их системное и высокодетерминированное поведение на уровне мак-

рообъектов, кажется односторонним и чрезмерно упрощенным. Неопределенность мира как системного целого не сводится к случайности массовых явлений и событий на уровне обычных человеческих взаимодействий. Как неотъемлемый элемент любой «человекоразмерной» системы случайность международных отношениях связана с другим и, как представляется, более важным аспектом мировой неопределенности – крайне слабой интегрированностью систем мирового уровня.

Методология «мягких» (слабоструктурированных) систем в анализе рискованных ситуаций

И традиционная международная (межгосударственная система), и выделяемая в моделях мировой динамики глобальная мир-система могут быть отнесены к типу так называемых слабоструктурированных систем. Речь идет о сложноорганизованных природных и социальных объектах (в том числе социоприродных, технических, гуманитарных системах) с большим числом разнородных по своей природе элементов и единиц, процессов и форм взаимодействия между ними, наличием постоянно присутствующей неопределенности и проблемных ситуаций однородности и упорядоченности этих элементов в общей целостности системы. Как предмет анализа слабоструктурированные системы проблематичны по своей природе, отсутствию ясной и точной границы между реальным миром и областью человеческих представлений, в том числе представлений системных. Так или иначе, рано или поздно, но практически непременно миры, стоящие за этими объектами, привлекают внимание как проблематичные, возможно, системные, но недостаточно определенные, допускающие множество интерпретаций по своим структурным характеристикам (Плотинский 2001: 36). Собственно системной здесь является исследовательская деятельность, с ее помощью определяются границы возникшей проблемной ситуации, отыскиваются системные подходы к теоретическим схемам и методам практической деятельности в подобных ситуациях, выстраиваются концепты и концептуальные (системные) модели организации процессов, которые стабилизировали или улучшили бы проблемную ситуацию.

По сравнению с жесткими системами, действующими только по законам объективного мира, слабоструктурированные системы вы-

деляются одной фундаментальной особенностью. Неотъемлемым и при этом важнейшим организующим структурным элементом выступает сам человек вместе с присущей ему в данных исторических условиях культурной картиной (моделью, образом) мира, заложенной в этой картине системой ценностей, идентичностей, временных и пространственных координат, структурой знаний. Именно человек, а точнее его действия, мировоззрение, опытное знание и стратегическое мышление, «достраивают» мир в данных условиях и проблемных ситуациях до состояния сравнительной стабильности и управляемости. Собственно динамической системой (организуемой, контролируемой, управляемой, исследуемой) становится сам процесс «достраивания», «доструктурирования» мира. И, что принципиально важно, в этом постоянном, непрекращающемся процессе «достраиваются» в одном и том же акте взаимного творения и объект, и субъект организационной деятельности, возникает ситуация тождества теории и практики, реального мира и области системных представлений (Теория... 1997: 174–177). Однако надо учитывать, что сам этот процесс, какими бы точными расчетами и сопоставлениями элементов системы он ни сопровождался, не приводит и не может привести к полному и в основе своей законченному структурному завершению, четкому и универсальному по своим главным параметрам организационному устройству. Это объясняется самой природой слабоструктурированных систем, определяющей и природу знания, в рамках которого структурируется данная проблемная ситуация, задаются ее системные параметры. Сама эта ситуация, побуждающая динамически «достраивать» слабоструктурированные, проблемные миры природы, техники, культуры, информационно-коммуникационных связей и взаимодействий, требует скорее приблизительного, опытного и практического знания, не стремящегося к четкой, формализованной логике, сложным процедурам решения системных задач, «мощным» правилам получения выводов. Реальный мир слабоструктурированных систем дан человеку (исследователю, наблюдателю) не всецело объективно, внешне и безразлично к его сознанию, а изначально в горизонте его сознания (ментальном, смысловом, культурном, идеологическом) и – обязательно – в интерактивном взаимодействии с другими участниками проблемной ситуации через общий дискурс, коммуникационные сети, смысловые образы и концепты.

Можно привести и более конкретные доводы в пользу приблизительности, недостаточной определенности знаний как естественного и необходимого условия структурирования человеком проблемных ситуаций, преобразования неопределенных проблемных ситуаций, к которым в полном объеме могут быть применены статистические модели, в ситуации сравнительно определенные и организованные, регулируемые и управляемые. Речь идет о присущих именно приблизительному, неточному знанию возможностях определения в сжатые сроки и в упрощенном виде границ проблемных ситуаций, поиска в сжатые сроки стратегических решений и методов практических действий, которые могли бы стать моделью организации системы. Далеко не всякий выбор системных решений по улучшению ситуации, цели и условия подобного выбора могут быть выражены в виде строгих количественных отношений – «отсутствует, либо является сложным формализованное описание объекта – значительная часть информации, необходимая для математического описания объектов, существует в форме представлений и пожеланий специалистов – экспертов, имеющих опыт работы с данным объектом» (Блюмин, Шуйкова 1999: 3). В такой ситуации приходится, по необходимости, опираться на неточные, примерные оценки неясных и неопределенных фактов, на нечеткую логику возникновения и развития слабоструктурированной проблемной ситуации, которую надо привести в «нормализованное» состояние.

В этих условиях существенно меняется и природа неопределенности, неопределенных факторов в процессе организации системы. Содержание и уровень неопределенности перестают определяться исключительно случайными факторами, которые при массовом своем распространении приобретают закономерное свойство статистической устойчивости и могут быть учтены, измерены в соответствии с законом распределения вероятности случайных величин. Во-первых, структурирование системы в процессе разрешения проблемной ситуации не настолько случайно, чтобы происходящие структурные изменения можно было описать исключительно при помощи статистических методов. Можно ли на языке статистических показателей описать влияние концептуальных моделей, картин мира, идеологий и т. д.? Во-вторых, в процессе разрешения проблемной ситуации и соответствующей организационной «достройки» слабо структурированной системы из большого объема

информации неизбежно выделяются только те данные, которые необходимы для постановки и фиксации именно той проблемы, которая порождает и обостряет данную ситуацию. Незаменимую роль в этом случае играет субъективная, нечеткая оценка вероятности событий, исходящая не из статистического закона распределения случайных величин, а из нечеткой логики человеческого мышления и поведения. Поиску решений по улучшению проблемной ситуации больше соответствуют мысленные (ментальные и когнитивные) карты мира, которые на уровне простых образов и готовых аналитических схем показывают пути достижения поставленных целей. Статистическая вероятность событий может дать исходную точку для создания таких карт, но она не описывает пути «нормализации» слабоструктурированных проблемных ситуаций. В-третьих, по критериям точного (математического) анализа слабоструктурированные системы принадлежат к так называемым нечетким множествам, поскольку нельзя однозначно определить, принадлежит ли каждый элемент такой системы к данному множеству или нет. Переход от несистемных характеристик элементов к вполне системным происходит не резко, а постепенно и задается функцией (степенью, уровнем) принадлежности элементов к данному множеству в соответствии с решаемой задачей (проблемой). Данная функция представляет собой субъективную, а не статистическую (вероятностную) меру неточности в описании фактических данных. Главным средством необходимого в таком описании кодирования информации становятся не числа (числовые характеристики распределения случайных величин), а метки нечетких множеств – «высокий уровень», «большое количество», «значительная величина», «около», «примерно равно» и т. п.

Таким образом, организация слабоструктурированных систем сталкивается с проблемой неисчисляемой до конца (опасной, «скользкой», «неудобной») неопределенности – с наличием *неопределенных, но неслучайных факторов*. Действие этих факторов не описывается законом распределения случайных величин или они оказываются настолько новыми и сложными для прежней организации системы, что их невозможно оценить на основе имеющейся и релевантной информации, особенно если решения принимаются в быстро изменяющихся условиях. Для этого типа неопределенности (статистическая неопределенность) характерна скорее ситуация

неизвестности и даже непознаваемости всех состояний слабоструктурированной системы: от невозможности определить с достаточной точностью значения, которые могут принять в будущем неопределенные факторы, до полной неизвестности относительно значения этих факторов при отсутствии какой-либо информации об их действии. В ситуации неизвестности – частичной или полной, исчезает необходимая для точных расчетов примерная одинаковость частоты событий, возникает, по выражению З. Баумана, нехватка «ясного и внятного распределения вероятностей» (Бауман 2002: 39). Иначе говоря, возрастает равновероятность любых событий. Отсюда следует, что первичными условиями организации слабоструктурированных систем выступают возможность и способность человека оперировать вероятностями тех или иных событий в данной системе. Если эти условия отсутствуют или сокращаются, структурирование системы прекращается, интеграция системы сменяется ее фрагментацией. Поэтому одним из главных параметров управления слабоструктурированными, слабоорганизованными системами становится управление рисками их неконтролируемых изменений, и в первую очередь неконтролируемого изменения вероятностей событий. С наблюдения (мониторинга) происходящих событий, определения вероятности их повторения и превращения в фактор устойчивых взаимосвязей начинается структурирование проблемных ситуаций.

Международные и глобальные отношения, несомненно, обладают структурными свойствами. Но эти свойства можно представить в качестве совершенно объективных только на уровне общих категорий и теорий, геополитических схем и образов (геоэкономическая и геостратегическая структуры мировых отношений, структурные параметры мирового рынка и мирового хозяйства, центр и периферия мир-системы). На уровне реальных процессов мирового развития – глобализации и регионализации геопространства, стабилизации и дестабилизации мирового порядка, интеграции и фрагментации человечества как глобальной общности системность этих отношений и в целом мировых взаимодействий предстает как слабоструктурированная: «мягкая», проблематичная, процессуальная («трендовая»), создаваемая взаимодействием человека с острыми проблемными и неопределенными ситуациями. Международная и мировая политика, постоянно имеющая дело с подобными

ситуациями, предполагает направленное структурирование хаотических международных взаимодействий до уровня более или менее устойчивого мирового порядка. Более того, в рамках стационарного типа мировых изменений именно политика в ее различных формах становится важнейшим фактором «доставивания» взаимодействий до уровня сравнительно организованных отношений. Современный политический анализ артикулирует главные составляющие данного процесса, системного по своим задачам и функциям. Ключевое, структурообразующее значение международной и мировой политике придают наличие ее субъекта (прежде всего государства) и внешнеполитической программы, базирующейся на определенном интересе, ресурсных возможностях достижения интереса и конечном результате взаимодействия этих составляющих – внешнеполитическом целеполагании (Современная... 2009: 122–139). Однако в полной мере структурообразующая роль международной и мировой политики реализуется только в том случае, если планомерная внешнеполитическая деятельность государства и других международных акторов подчиняется определенным правилам и принципам поведения в отношении друг друга. Соблюдающие эти правила и принципы акторы превращаются в структурные единицы международной системы. Включается функция принадлежности к данной системе разнообразных по своим чертам и значению международных субъектов, определяются границы рискованных ситуаций и меры по ограничению возможных кризисов и конфликтов.

Характерным и, пожалуй, самым наглядным примером «доставивания» реальных международных отношений до уровня аналитического и идеального (ценностно-смыслового) системного объекта можно считать так называемую вестфальскую модель мирового политического устройства. Возникшая в середине XVII в. в Европе после окончания опустошительной Тридцатилетней войны (по разным причинам в ней приняла участие значительная часть европейских государств), эта модель «переформатировала» прежний имперско-феодальный, имперско-религиозный порядок устройства Европы в соответствии с принципом национально-государственного суверенитета как высшей ценностью и образцом международных отношений. Ясно видны структурные составляющие этого принципа, как и их «привязка» к определенному типу международного субъекта (национальное государство), типу политиче-

ских отношений и геопространства (полнота власти государства на его территории и равенство государств вне национальных границ), правила «внутреннего» и «внешнего поведения» (ответственность суверена за своих подданных и невмешательство государств во внутренние дела друг друга).

Вместе с тем «сборка» международной системы никогда не может достигнуть своего логического завершения, базирующегося на полном исключении из практики международных взаимодействий свободы маневра актора. Системность этих взаимодействий в случае возникновения проблем зависит от нахождения ситуационных решений и определяется никогда не просчитываемой до конца комбинацией различных факторов, обстоятельств, событий. Это значит, что неустранимым и ключевым элементом структурирования международной системы являются рисковые ситуации, выстраивающиеся на основе коллективных ожиданий и предпочтений шкалу вероятности тех или иных событий. Поэтому управление рисками неизбежно входит в международную и мировую политику в виде императива «достраивания» международных отношений как целого; это непереносимое, а в особо сложных ситуациях – критически важное условие сохранения стабильности процессов, связей, ориентиров системы. Если наличие таких рисков упускается из виду, перестает играть важную роль в стратегическом анализе и управлении, то даже сравнительно незначительные неопределенные события могут уменьшить область устойчивости международной системы и привести в конце концов к ее краху.

Формирование систем управления международными рисками

В традиционной практике межгосударственных решений (включая и практику сохранявшейся в стационарном состоянии до конца холодной войны Вестфальской политической системы) управление рисками остается составной частью процесса выработки и принятия стратегических решений. Речь идет о выборе той или иной линии поведения, того или иного действия практически на всех этапах данного процесса: выбор первостепенных по важности политических задач, изучение возможных альтернатив их решения, выбор наиболее успешного варианта и разработка путей достижения. Но этот способ анализа и регулирования международных рисков (ти-

пичный для традиционной рискологии) сегодня уже не соответствует ни масштабам кризиса международной системы, ни задачам уменьшения негативных последствий этого кризиса. Характер принимаемых решений во многом зависит от психологических акторов, например от субъективной готовности актора к риску, поэтому на первый план неизбежно выходит коллективный или индивидуальный опыт разрешения рискованных ситуаций, что далеко не всегда связано с рациональным, основанным на фактической информации определением последствий рискованного решения.

Конечно, современную практику принятия внешнеполитических решений невозможно свести к психологическим факторам или к опытному знанию – об этом подробно уже говорилось выше. Еще раз отметим, повестка современного мирового развития включает в себя стратегические программы антикризисных действий – превентивных, корректирующих, информационно-контрольных. Но в условиях нарастающей турбулентности мирового развития одних лишь общих стратегий реализации его предпочтительных целей уже недостаточно для того, чтобы избежать геополитических или экономических потрясений регионального и глобального масштаба. К тому же эти стратегии во многом продолжают строиться на линейных проекциях предыдущих состояний международной системы – блоковой, гегемонистской, центрально-периферийной.

Неопределенность глобального перехода требует выделения рискованных решений и в целом рискованных ситуаций в особую и ключевую отрасль стратегического планирования и управления, тесно связанную с информационным, аналитическим и концептуальным структурированием нестационарной по своему содержанию и составу международной системы. Прямые и направленные взаимоотношения («диалог») с ситуациями глобальной неопределенности сегодня представляются более важным и перспективным направлением планирования и управления, нежели ориентация на ситуацию статус-кво как внешний атрибут стабильности и порядка. Отрасль управления международными рисками нельзя считать окончательно сложившейся, адаптированной к ситуациям критических переходов и обладающей необходимыми для этого глобальными механизмами выявления рискованных ситуаций. Однако необходимые предпосылки для развития данной отрасли уже существуют. Предпосылкой, а сегодня уже и организационной основой ее формиро-

вания можно считать образование на базе крупнейших международных организаций систем раннего оповещения о кризисах, конфликтах, надвигающихся гуманитарных катастрофах. Основная задача этих систем, связывающая их с более широкой сферой управления стратегическими рисками, – определение риска дестабилизации стран и целых регионов под влиянием угроз старого типа (геополитическая напряженность, военно-политические конфликты) и новых опасностей – дефицита жизненно важных ресурсов, техногенных и природных катастроф и т. д.

Как элемент стратегического управления организованное и систематическое отслеживание рисков военно-политических конфликтов начало осуществляться в развитых странах с 1950-х гг., главным образом в практике военно-разведывательных ведомств. К началу 2000-х гг. появилось большое число систем раннего оповещения глобального, регионального и локального уровней. На базе ООН действуют гуманитарная система раннего оповещения, нацеленная на предупреждение гуманитарных катастроф и оказание гуманитарной помощи, система раннего оповещения о кризисах в сфере мирового производства зерна и продовольствия для предупреждения ситуаций массового голода. Появилось также большое число аналогичных систем в рамках межгосударственных объединений и неправительственных организаций: сеть предотвращения конфликтов ЕС, организованный на базе Африканского союза межправительственный механизм по раннему предупреждению конфликта и реагированию, новая разведывательная сеть оповещения НАТО, система мониторинга рисков Стокгольмского международного института исследований проблем мира, форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (неправительственная сеть мониторинга и раннего предупреждения кризисов и конфликтов), неправительственная группа по раннему предупреждению кризисов и т. д. Механизмы раннего оповещения о рисках, кризисах и конфликтах широко используются в практике международных рейтинговых агентств.

В практике раннего оповещения уже сложилась своя методология отбора источников данных и их анализа, тяготеющая к методам мониторинговых исследований – постоянного и непрерывного отслеживания и оценки рисков ситуаций с целью выявления динамики рисков процессов и их соответствия желаемому или долж-

ному состоянию системы. К настоящему времени ясно определены несколько направлений мониторинговых исследований, различающихся типом исходных данных и методиками их анализа: мониторинг на основе экспертных оценок (сценарного моделирования рискованных ситуаций), структурный (статистический мониторинг), мониторинг процессов на базе социопсихологических опросов, эмпирическое (полевое) исследование рискованных ситуаций, медиамониторинг, комплексный мониторинг, сочетающий разнообразные данные и аналитические методики (Халтурина 2006: 325–338; Кобзева 2010: 30–60; Халтурина, Коротаев 2010; Халтурина, Коротаев, Зинькина 2010; Коротаев и др. 2012; 2013; Акаева и др. 2013). Необходимо отметить системное значение мониторинговых исследований в структурировании проблемных (рискованных) ситуаций: определении их важнейших структурных факторов и динамики развития, понимании нелинейных процессов развития современной международной системы и их влияния на внутривнутриполитические процессы. При помощи сети разнообразных мониторинговых исследований создается и входит в практику стратегического управления и международных исследований система индикаторов уровня международных рисков. С точки зрения развития рискованного подхода важное значение имеет многофункциональность этой системы, ориентация ее на разнообразные цели, связанные, однако, с общей установкой на снижение неопределенности мирового развития. Структурно-функциональная дифференциация показателей рисков, например, ясно прослеживается в сфере измерений мировых политических процессов – наиболее сложного объекта для измерений в силу сложного полисубъектного и конфликтного характера политики. Л. М. Капица выделяет следующие ключевые направления формирования системы индикаторов раннего оповещения в этой области: «разработка индикаторов мировой политической ситуации с целью предотвращения конфликтов» (ориентация на задачи превентивной дипломатии); «разработка индикаторов мировой политической ситуации с целью воздействия на формирование мирового общественного мнения»; «разработка измерителей политических процессов, имеющих целью воздействие на внутренние политические процессы» (инструмент политтехнологов); «попытки выработать индикаторы, позволяющие приблизиться к пониманию сущности политических трансформа-

ционных процессов (в научно-исследовательских целях)» (Капица 2008: 263–264).

Разнообразие и вместе с тем связанность мониторинговых исследований современных мировых процессов, возникновение систем индикаторов раннего оповещения свидетельствуют о быстром развитии международной рискологии как составной и одновременно особой части прогноза и предупреждения кризисных и катастрофических явлений в общественном, социоприродном и социотехническом развитии (область комплексной рискологии). Международная рискология все теснее сочетает в себе особые задачи стратегического планирования и управления (предупреждение локальных кризисов и конфликтов с целью недопущения перерастания их в потрясения регионального и глобального масштаба); теорию и практику международных исследований (нелинейные процессы мирового развития и риски распада международной системы в условиях глобального перехода); методологию и результаты развития мониторинговых исследований международных рисков (сбор первичных данных, разработка методов их анализа и систем индикаторов раннего оповещения).

Международная рискология выходит на первый план в понимании, интерпретации и прогнозировании процессов современного мирового развития.

Библиография

- Абрамова И. О., Фитуни Л. Л., Сапунцов А. Л. 2007. *«Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике*. М.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г. 2010. (Ред.). *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики*. М.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г. 2011. (Ред.). *Сценарий и перспективы развития России*. М.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. 2011. (Ред.). *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. 2012. (Ред.). *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2013. (Ред.). *Мировая динамика. Закономерности, тенденции, перспективы*. М.
- Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛКИ.

- Акаева Б. А., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.). *Центральная Азия: новые вызовы*. М.: Ленанд/URSS.
- Акимов А. В. 2009. Методика прогнозирования воздействия ресурсных ограничений на мировую динамику. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.
- Альгин А. П. 1989. *Риск и его роль в общественной жизни*. М.
- Арин О. А. 2002. *Мир без России*. М.
- Барабанов О. Н. 2009. *Основные концепции глобального управления*. М.
- Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.
- Бек У. 2001. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. М.
- Бернштейн П. 2000. *Против богов: укрощение риска*. М.
- Блюмин С. Л., Шуйкова И. А. 1999. *Введение в математические методы принятия решений*. Липецк.
- Бляхер Л. 2005. *Нестабильные социальные состояния*. М.
- Болотин Б. М., Шейнис В. Л. 1988. *Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования, 1950–1985 гг.* М.
- Бордачев Т. В. 2008. Европейский Союз: вызовы и сценарии развития. *Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить*. М.
- Бродель Ф. 1986–1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVII вв.*: в 3 т. М.: Прогресс.
- Валлерстайн И. 2006. *Миросистемный анализ: Введение*. М.
- Владимиров В. А., Воробьев Ю. Л., Малинецкий Г. Г. и др. 2000. *Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика*. М.
- Воробьев Ю. Л., Малинецкий Г. Г., Махутов Н. А. 2000. *Управление рисками и устойчивое развитие. Человеческое измерение. Общественные науки и современность* 4.
- Гидденс Э. 1994. *Судьба, риск и безопасность. THESIS 5*.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008. (Ред.). *История и математика. Модели и теории*. М.
- Давыдов В. М. 2008. Латинская Америка: сценарии регионального развития. *Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить*. М.
- Демиденко С. В. 2008. Угрозы и возможности Ближнего Востока. *Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить*. М.
- Ерасов Б. С. 2002. *Цивилизации: Универсалии и самобытность*. М.
- Звягельская И. Д., Наумкин В. В. 1999. *Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье)*. М.
- Зегонов О. В. 2008. Роль СМИ как «сетевых» акторов в мирополитических процессах. *«Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты*. М.
- Иванов Д. В. 2002. *Виртуализация общества. Version 2*. СПб.
- Исаев К. 2001. «Общество риска» в условиях глобализации. *СОЦИС* 4.

- Капица Л. М. 2008.** *Индикаторы мирового развития*. М. Катастрофы и общество. 2000. М.
- Кобзева С. В. 2010.** Мировые системы мониторинга кризисов и конфликтов: методологический обзор. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 1 / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В. 2007.** Периодизация истории Мир-Системы и математические макромоделли социально-исторических процессов. *История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** (Ред.). *Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013.** (Ред.). *Арабский мир после Арабской весны*. М.: Ленанд/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны*. М.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2008.** Компактная математическая модель экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *Экономика и математические методы* 4. Т. 44.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития*. М.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В. и др. 2010.** *Законы истории, Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. М.
- Лапкин В. В., Пантин В. А. 2002.** Феномен «противоцентра» в глобальной политической истории нового времени. *Цивилизации*. Т. 5.
- Лебедева М. М. 2008.** Действующие лица или исполнители? Проблема акторности в мировой политике. *«Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты*. М.
- Луман Н. 1994.** Понятие риска. *THESIS* 5.
- Малинецкий Г. Г. 2009.** Моделирование мировой динамики и стратегический прогноз. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: ЛИБРОКОМ. С. 316–337.
- Малинецкий Г. Г., Курдюмов С. П. 2001.** Нелинейная динамика и проблемы прогноза. *Вестник РАН* 3.
- Малинецкий Г. Г., Медведев И. Г., Маевский В. И., Осипов В. И. и др. 2002.** *Кризисы современной России и система научного мониторинга*. Препринт ИПМ № 56. М.
- Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.

- Малков А. С., Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010.** Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.
- Малков С. Ю., Кирдина С. Г. 2010.** Иерархия моделей мировой динамики и глобальные социально-экономические процессы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2005. (Ред.).** *История и синергетика: Методология исследования*. М.
- Махов С. А. 2010.** Долгосрочные тенденции и прогнозы с позиций новой модели мировой динамики. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.
- Международный валютный фонд, Годовой отчет. 2012.** Совместная работа для содействия мировому подъему. *Годовой отчет за 2012*, МВФ. URL: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2012/pdf/ar12_rus.pdf.
- Мир после кризиса. 2009.** Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. *Мир после кризиса. Доклад Национального разведывательного совета США*. М.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006.** *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна.
- Плотинский Ю. М. 2001.** *Модели социальных процессов*. М.
- Политология. 1993.** *Политология. Энциклопедический словарь*. М.
- Попова С. М., Шахрай С. М., Яник В. А. 2010.** *Измерения прогресса*. М.
- Сандерс Д. 1999.** Международные отношения: неореализм и неолиберализм. *Политическая наука: новые направления*. М.
- Современная мировая политика. 2009.** *Современная мировая политика. Прикладной анализ*. М.
- Суздальцев А. И. 2008.** Постсоветское пространство: единство и многообразие. *Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить*. М.
- Суслов Д. В. 2008.** Можно ли управлять миром. *Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить*. М.
- Теория организаций. 1997.** *Теория организаций и организационное проектирование*. Саратов.
- Турчин А. 2008.** *Война и еще 25 сценариев конца света*. М.
- Форрестер Дж. 1978.** *Мировая динамика*. М.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Т. 5.
- Халтурина Д. А. 2006.** Организация мониторинга социальных инноваций в системе государственного управления. *Инноватика государственного управления: прорыв в будущее*. М.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг*. Т. 1. М.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010. (Ред.).** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: ЛКИ/URSS.
- Цыганков П. А. 1994.** *Политическая социология международных отношений*. М.
- Чешков М. А. 1999.** *Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности*. М.

- Шопенко А. Д. 2010.** Концептуальные основания социальной рискологии транзитивного общества. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. Т. 134.
- Щепаньский Я. 1969.** *Элементарные понятия социологии*. М.
- Яницкий О. Н. 1999.** Социология как риск-рефлексия. *Социологические исследования* 6.
- Abu-Lughod J. 1989.** *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350*. New York.
- American National Security. 1998.** *American National Security*. Baltimore, London.
- Aron R. 1963.** Unesociologie des relations internationales. *Revue française de sociologie* 3.
- Approaches to Global Governance Theory. 1999.** State University of New York Press.
- Global Risk Report. 2008.** A Global Risk Network. *World Economic Forum*. January 2008: 2025. URL: globalrisks.weforum.org
- Global Trends 2030. 2012.** *Alternative Worlds. A Publication of the National Intelligence Council*. Washington.
- Korotayev A. 2005.** A Compact Macromodel of World System Evolution. *Journal of World-Systems Research* 1. Vol. 11.
- Korotayev A. 2007.** Compact Mathematical Models of World System Development, and How They Can Help us to Clarify our Understanding of Globalization Processes. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change* / Ed. by G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson. London.
- The Politics of Global Governance. 1997.** *The Politics of Global Governance*. London.
- Wallerstein I. 1974, 1980, 1988.** *The Modern World-System*. 3 vols. New York.